

Вера Русакова

БОЯРЫНЯ МАТВЕЕВА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Вера Русакова
Боярыня Матвеева

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Русакова В.

Боярыня Матвеева / В. Русакова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

1653 год. В Восточной Европе нарастают политические противоречия. Молодая жительница Москвы мало думает о политике - её внимание занимает семейный спор из-за наследства. Однако этот спор будет иметь для героини неожиданные последствия и вовлечёт её в политические и военные события эпохи. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1. Время выбирать	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	35
Глава 13	41
Глава 14	42
Глава 15	43
Глава 16	45
Глава 17	48
Глава 18	50
Глава 19	51
Глава 20	52
Глава 21	54
Глава 22	55
Глава 23	60
Глава 24	62
Глава 25	64
Глава 26	67
Глава 27	68
Глава 28	69
Глава 29	71
Глава 30	73
Глава 31	75
Глава 32	76
Глава 33	79
Глава 34	80
Глава 35	83
Глава 36	85
Глава 37	87
Глава 38	89
Глава 39	91
Глава 40	92
Глава 41	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Вера Русакова Боярыня Матвеева

Часть 1. Время выбирать

Глава 1

7161 год от сотворенья мира¹ / 1652 год от Рождества Христова

Декабрь

Москва, Немецкая слобода

Немногочисленные родственники, друзья и соседи прощались с коммерсантом Вольфгангом Краузе.

Поскольку у католиков слободы не было своего священника, положенные молитвы читал Герман Бек, один из единоверцев усопшего.

Мэри – вдова сына Краузе, дочь доктора Гамильтона, высокая двадцатидвухлетняя женщина с правильными чертами бледного лица и светло-кариими глазами, бросила первую горсть земли; её примеру последовал племянник покойного Пауль – крепкий, красивый, кудрявый парень с постоянной веселой улыбкой на лице.

Когда участники скорбного действия гуськом потянулись с кладбища, Пауль по неизменной своей привычке каждому сказал нечто приятное:

– Гретхен, – весело спросил он жену Бека, – что-то ты тощая. Твой святоша тебя так и не обрюхатил?

Госпожа Бек вздрогнула, словно её ударили, и постаралась отстать от весельчака.

– Повежливее, – угрожающе сказал Герман, но Пауль только хохотнул: Герман ничего не мог ему противопоставить в кулачном смысле.

– Вам больше крышу не поджигали? – игриво поинтересовался затем молодой Краузе у госпожи Лесли.

– Нет, – немедленно ответила ему закалённая в различных приключениях дама, – а жаль. Я бы тебя поджарила!

– Га-га-га!

Муж дамы – генерал Лесли, старый авантюрист, одинаково прославленный как храбростью, так и различными дикими выходками, одна из которых кончилась вышеупомянутым поджогом и едва не кончилась его казнью – одобрительно хмыкнул.

– Вот повеса! Даже на похоронах способен смеяться.

В столовой дома Краузе был накрыт поминальный стол. Едва успев усесться, Пауль Краузе громогласно заявил:

– Всё старьё! Выброшу!

Мэри, в строгом черном платье и черном чепце, стояла во главе стола, зорко оглядывая блюда, гостей и повторяя про себя порядок необходимых ритуальных действий. Несколько секунд в её душе боролись между собой желание соблюсти приличия и ненависть к Паулю; приличия победили. Она произнесла небольшую речь и попросила помянуть добрым словом покойного.

К сожалению или к счастью, повесу Пауля соображения приличий не беспокоили.

---

¹ В XVII веке (до 1699 года включительно) в России действовало летоисчисление «от сотворенья мира», причём год начинался не с января, а с сентября.

– Заплачу долги и наведу порядок на фабрике, – радостно сообщил он через несколько минут.

Глаза Мэри недобро блеснули.

– С какой радости ты собираешься наводить порядок на чужой фабрике?

– Как это на чужой? Я – наследник!

– Мне не хотелось обсуждать эти вопросы в столь скорбный день...

– Фу-ты-ну-ты! Поменьше пафоса, зануда!

– ...но раз ты настаиваешь, изволь: господин Краузе оставил завещание.

Выдержав эффектную паузу, молодая женщина с издевательским сочувствием добавила:

– Ты лишён наследства. Фабрика, дом – всё отходит матушке Флоре.

Пауль временно перестал улыбаться.

– Где она, кстати?

– Она плохо себя чувствует и лежит в своей комнате.

– Ну вот, она скоро сдохнет, и я всё равно возьму своё.

– Но пока она, как ты деликатно выражаешься, не сдохла – фабрика и дом её, и распоряжаться или выкидывать вещи ты не можешь.

Поминки обернулись скандалом.

Мать Мэри, Джейн Ферфилд, вдова доктора Гамильтона, перед уходом упрекнула дочь:

– Ты не умеешь себя вести!

Глава 2

*Следует далг за любовью,
Но сэкономлю слова, —
Твердо идет за свекровью
Руфь, молодая вдова.*

И. Лиснянская. «Руфь»

Прошло два месяца. К большому огорчению Пауля, госпожа Краузе-старшая не умерла. Более того, она пошла на поправку.

Это прискорбное обстоятельство заставило молодого человека предпринять кое-какие действия, а именно: обратиться за помощью к представителям властей.

– Я – мужчина, мне и полагается владеть собственностью, – объяснял Пауль приказному дьяку. – И ты, господин, лучше меня знаешь, что по русским законам собственность должна принадлежать не вдове, а кровным родственникам усопшего.

Дополнительным аргументом послужил толстенький кошелёк, перекочевавший из рук Пауля Краузе в руки дьяка Щеглова.

Известие о коварных происках веселого повесы принесла Мэри Краузе её любимая служанка Дарья – беглая холопка Богдана Хитрово. Вообще-то иноверцам запрещалось держать православных слуг, поэтому считалось, что Даша «снимает жильё»; а что бы «жиличка» не вызвала лишнего интереса, её одевали в скромное, но опрятное платье немецкого образца. Даша встретила на базаре с кухаркой пристава Щеглова, и сработал принцип, который в следующем столетии будет описан Карло Гоцци:

*«Беспомощная женская болтливость
Всегда проворней, чем мужской рассудок».*

После получения известия Мэри долго сидела одна в пустой комнате, мрачная и задумчивая. Затем начала действовать.

Она собрала слуг – Дарью, Клару и Иоганна – и коротко объяснила ситуацию. Пауль будет бороться за наследство – дом на осадном положении. Может случиться всё, что угодно: вспомните, как недавно один офицер заманил к себе другого и избил гостя палкой². Поэтому Иоганн, единственный слуга-мужчина, всё время должен находиться наготове и держать при себе оружие. Все слуги должны помалкивать и никому не рассказывать о происходящем в доме Краузе. С другой стороны, если они узнают какие-то новости относительно Пауля – пусть немедленно докладывают ей, Мэри. Любая мелочь может принести пользу!

Дабы укоренить эти наставления в умах и сердцах слуг, Мэри выдала каждому по серебряной монетке.

Затем отдельно поговорила со своей любимицей:

– Даша, вот тебе ещё монетка. Можешь отдать её служанке Щеглова в качестве моей благодарности, можешь использовать по-другому, но постарайся приносить новости.

– Всё сделаю, – возбужденно пообещала Дарья.

Затем молодая женщина прошла в кабинет и достала из ящика пистолет свёкра. Раньше Мэри брала его только тогда, когда ездила на фабрику – теперь решила, что будет постоянно носить оружие с собой.

Тяжелые мысли и страхи терзали молодую вдову. Говорить матушке Флоре или нет? Она больна, и огорчать её не хочется, но если Пауль предпримет решительные действия неожиданно для неё – будет ещё хуже. Надо сообщить, но осторожно. Можно ли положиться на слуг?

---

² Подлинный случай.

Как справедливо говорят русские, чужая душа – потёмки. Клара преданно служит старикам Краузе долгие годы – но что может прийти ей в голову в любой момент? Пауль может её подкупить. Может обаять: старухи любят сюсюкать над молодыми парнями. Хорошо, что матушка Флора не такая. Что в нём все находят, в этом Пауле? Почему прощают его выходки? А сын Клары Иоганн? Он парень здоровый, но придурковатый, почему и живет всё ещё возле маминной юбки. Его тоже могут подкупить, ему что угодно может стукнуть в голову, в нём может внезапно выиграть «мужская солидарность». Да и вообще, всего один мужчина для защиты, когда Пауль может собрать целую банду из своих собутыльников... Надо нанимать ещё слуг, а это новые расходы и новые сомнения. Дарья? Если Пауль узнает про её прошлое, плохо будет и беглянке, и её укрывательницам. И её будет жалко, и себя. Плохо любить: беспокойся о здоровье свекрови, обеспечивай её лечение, беспокойся об участии Дарьи – а Пауль вот никого не любит, никого не лечит, ни о ком не беспокоится. Легко ему жить. И ты для окружающих – скучная зануда, а он «весёлый повеса», «трихихи», как прозвал шалопая кто-то из слобожан.

Глава 3

Осторожно сообщив свекрови новости и отдав распоряжения по дому, Мэри одела шубку, спрятала под ней оружие, уселась на лошадь и отправилась «наводить справки». В первую очередь она посетила Басманную слободу, где в ту пору часто селились выкrestы, и навестила своего дядю, двоюродного брата отца, Григория Петровича Гамильтона, которого на русский манер называли «Хомутовым». Дядя был дома; он обрадовался приходу племянницы.

Родственники разговаривали на шотландском диалекте английского.

Старик задумался.

– По Соборному уложению³ вроде бы так и есть: бездетная вдова ничего не получает, кроме своего приданого. С другой стороны, твоя свекровь не бездетна – но её сын умер слишком рано... А вообще я слышал про какую-то боярыню, которая подавала челобитную царю, и ей отдали наследство мужа, несмотря на возмущение его родственников...

Мэри встрепелась и потребовала подробностей: какая боярыня, что за наследство, почему для неё сделали исключение из правил? Григорий Петрович честно старался помочь, но получалось плохо. Призвали всю семью: жену его Минодору Гавриловну, невестку Евдокию Степановну, старшую внучку Евдокию Петровну. Сын старика, Петр Григорьевич, находился на службе. Евдокия Степановна сообразила, что речь шла о княгине Лобановой-Ростовской, а благоволение государя основывалось на том, что княгиня была внучкой его «мамки» – Ульяны Степановны Собакиной.

Молодая женщина огорчилась и одновременно обрадовалась: огорчилась потому, что не имела в родне близких царю лиц, а обрадовалась потому, что перед ней засияла путеводная звезда, пусть далёкая, но несущая надежду.

Посудачив ещё некоторое время с родственниками и заверив их в своей к ним привязанности, она отправилась в дальнейший путь, размышляя при этом о своей неблагодарности и о том, что она так редко навещает своих родных. Однако сожаления постепенно отошли на второй план перед изысканием средств борьбы с Паулем. Напряжённая, словно кошка на охоте, с воинственно блестящими глазами, Мэри делано-беззаботно болтала, льстила, осторожно расспрашивала – но за первой удачей потянулся шлейф неудач. Был уже вечер, когда она почти в отчаянии подъехала к некоему дому. Обитатели этого дома были бы наиболее соблазнительными объектами для её планов, но почти два года назад они исчезли неведомо куда. Дом стоял пустой; только немой садовник ухаживал за садом, да барская барыня – экономка изредка приходила проведать палаты. Однажды, случайно встретившись с нею, Мэри и узнала про отъезд хозяев, а куда они направились и надолго ли, экономка объяснить не смогла или не захотела.

Но бог или судьба – судите как хотите – решили вознаградить молодую женщину: ворота были распахнуты, во дворе стояло несколько повозок, из сарая доносилось ржание. Мэри сошла с лошади, привязала её к коновязи, у выскочившего слуги спросила, дома ли хозяева.

– Хозяин утром уехал, а хозяйка здесь.

– Можно её видеть?

Слуга заглянул в дом и поговорил с горничной, горничная побежала внутрь, вернулась с согласием. Вскоре Мэри уже поднималась по лестнице в терем⁴, вспоминая хозяйку дома.

Кристина Беггров, приятельница Флоры Краузе, состояла в браке с соотечественником-коммерсантом, который ради выгоды принял православие. Кристине пришлось последовать его примеру и превратиться в Соломонию Егоровну. Муж Кристины-Соломонии вел дела со знаменитым Борисом Ивановичем Морозовым, и после смерти Беггрова боярин решил

---

³ Соборное уложение – свод законов Русского царства, принятый Земским собором в 1649 году.

⁴ Терем – верхний этаж в богатом доме, предназначенный для женской части семьи.

позаботиться о его вдове и устроить ей новый брак – тоже со своим приспешником, неким господином Харитоновым. Бывшая Кристина вовсе не хотела менять спокойную жизнь обеспеченной вдовы на заботы о безразличном ей человеке; но она не посмела спорить с могущественным Морозовым и обратилась за помощью к его жене Анне Ильиничне, сестре царицы.

Анна Ильинична очень разгневалась:

– Как?! Борис Иванович заботится о тебе, словно отец, а ты неблагодарна!

Пришлось Соломонии Егоровне выходить замуж.

– Она ей просто завидует, – с хихиканьем говорила Мэри мужу и свёкрам. – Анну Ильиничну муж постоянно избивает, а Кристина ходит не битая и живёт в своё удовольствие.

Интимную жизнь боярской четы обсуждала «вся Москва»: Борис Иванович ловко устроил брак молодого царя с дочерью своего сторонника Милославского, ловко породнился с царём, женившись на его свояченице, ловко привязал к себе царского тестя... Да то не ловко вышло, что Анна Ильинична была молода и темпераментна, и старый муж не мог её ублажить. И тогда, как писал современник, «вместо детей родилась у них ревность, и повлекла за собой ременную плеть толщиной в палец».

Кристина – Соломония – полная белотелая дама – возлежала на лавке под зелёным атласным одеялом, подбитым соболями. И это были *такие* соболя, что на них просто нельзя было не обратить внимание. Рядом с лавкой стояла прикрытая кисеей зыбка – Мэри невольно удивилась; печь пылала жаром, но чувствовалось, что комната долго выстуживалась и ещё не прогрелась; вокруг лавки с хозяйкой в беспорядке валялись предметы одежды, полотенца, тюки, корзины – приметы долгого отсутствия и недавнего возвращения.

– Я совершенно измучена после дороги, – сразу после приветствий начала рассказывать хозяйка, – хотя мы специально дожидались зимы, чтобы ехать плавно, в санях.

Оказалось, что Борис Иванович уснул своего прихвостня в Яренск, «наводить порядок в делах» (подробности этих дел Мэри спрашивать не стала). С делами пришлось повозиться, а потом неожиданно оказалось, что Соломония беременна.

– Кто бы мог такое подумать, в моём-то возрасте и при таком дохляке-муже, – язвительно заметила госпожа Харитонова, – но хоть какой-то есть прок от этого варвара – моя Варвара.

Мэри испугалась, что слуги могут передать столь непочтительный отзыв хозяйки хозяину – но потом сообразила, что они говорят на немецком, которого слуги наверняка не знают.

Варвара была немедленно показана гостю. Мэри быстро изобразила на лице восторг, который полагается изображать женщине при виде младенца, даже если младенец ей безразличен – но девочка и впрямь оказалась мила: толстенькая, беленькая, щекастая, мирно посапывающая во сне.

– Какие у неё глазки? – шепотом спросила Мэри. – Голубые, зелёные, карие?

– Темные, – счастливо ответила мать. – Meine Rose!

И затем, по-русски:

– Касатушка!

Затем, перескакивая с одной темы на другую и безбожно путая слушательницу, начала рассказывать про Яренск, соболей, короткое лето, мошкару, скуку, первого местного богача и его супругу.

– Представляешь, он вёл дела с голландскими и английскими купцами и заинтересовался европейской одеждой. Итог таков: знакомые купцы привозят ему и его жене камзолы, платья, шляпы, трости – и гуляют они по улицам Яренска в таком виде, даже в церковь ходят только так. Местный поп пытался возражать, но потом смирился. Я покорила его жену тем, что научила её пользоваться некоторыми деталями одежды и дала пару советов. Кстати, а ты-то почему в европейском платье?

Пришлось объяснить Соломонии, что за время её отсутствия в Москве произошли большие перемены: по распоряжению патриарха Никона, который имеет неограниченное влияние

на царя, всем иноземцам предписано срочно переселиться в специально отведённую часть города – так называемую «Немецкую слободу», и носить одежду европейского образца – «немецкое платье».

– Меня, – говорила Мэри, – более всего поразила причина: оказывается, иностранец в русской одежде может зайти в церковь, а священник может его нечаянно благословить – а православные священники не должны благословлять басурман!

– Что за дичь, – возмутилась хозяйка дома, – христиане должны помогать друг другу! Я помню, как мы с родителями ехали в Россию, через Псков и Новгород, по дороге заблудились и приехали к монастырю. Нас приютили на ночь, покормили, настоятель любезно с нами побеседовал...

– Скажи это Никону, – посоветовала Мэри, – но имей в виду, его считают мстительным. Соломония вздохнула.

Гостя сменила тему и стала рассказывать о трудностях переезда и переодевания, о болезни и смерти свёкра, о болезни и выздоровлении свекрови, о действиях Пауля.

– Я искренне рада тебя видеть, и матушка Флора тоже обрадуется твоему приезду, но, не скрою, есть у меня и корыстный интерес. Может ли твой муж сам или через Бориса Ивановича нам помочь? Я понимаю, что это дело дорогое, но...

Соломония обещала поговорить с мужем.

Два дня спустя Мэри снова навестила дом Харитоновых, передала хозяйке привет и подарки от госпожи Краузе-старшей, приглашение на обед «мы сейчас в трауре, поэтому будет скромненько, но мы будем рады тебя видеть», и вопрос – ну как?

– За подарки спасибо, за приглашение тоже, но пока никуда ходить не хочу, устала, а вот дела ваши плохи. Муж грустит: влияние Бориса Ивановича пошатнулось, здоровье тоже, он царя уже давно ни за кого не просит. А муж к царю не пойдёт, слишком мелкая сошка. Но он кое-что посоветовал, слушай внимательно, а я постараюсь ничего не перепутать.

Можно подать царю челобитную, но делать это надо аккуратно: сделаешь ошибку в титуле – накажут батогами, подашь челобитную в неподходящий момент – могут выкинуть её, не читая. Царь добрый человек, но иногда на него находит плохое настроение. Поэтому люди умные не сами во дворец лезут, а подают через придворных, которые и момент подходящий выберут, и слова подходящие присовокупят. Главных мастеров по подаче чужих прошений при дворе два: это Богдан Михайлович Хит...ров, кажется...

– Хитрово. Я о нём слышала.

– Кажется, так, а ещё Артамон Матвеев, пасынок Алмаза Иванова.

– Нового главы посольского приказа⁵?

– Верно. Хитрово старше и опытнее, чаще добивается своего, но берёт дороже и охоч до постельных утех. Ты же женщина молодая, красивая...

– И с меня могут потребовать, как выражаются русские, взятку натурой.

– Верно. Самое обидное, что может попользоваться, а цели не добиться.

– А Матвеев?

– О нём мало что известно. Он скрытен и предпочитает держаться в тени.

---

⁵ Формально в описываемый период главой Посольского приказа был М. Ю. Волошеинов, но он тяжело болел, и фактическое руководство приказом осуществлял А. И. Иванов. Волошеинов умер в апреле 1653 года, 28 сентября того же года Иванов возглавил внешнеполитическое ведомство не только де-факто, но и де-юре.

Глава 4

Утром Мэри, стоя посреди комнаты в одной рубашке, разглядывала себя в зеркало. Туск-лая бронзовая поверхность лишь смутно отражала её облик, и молодая женщина пошла дру-гим путём.

– Даша!

– Слушаю, госпожа.

– Посмотри и скажи, только честно: я красивая?

– Красивая. Только тебе бы пополнеть не мешало.

– Это бог с ним. А как бы мне причесаться и одеться, чтобы выглядеть похуже?

– Господь с тобой! Зачем?

Мэри рассказала служанке о разговоре с Соломонией. Даша охнула и присела на край кровати.

– Не ходи к Хитрово! Он всех девок портит! Я потому и сбежала, что он меня насиль-ничать хотел.

– Я помню твой рассказ. А каков он из себя, – с улыбкой спросила Мэри. – Молодой, старый, красивый, уродливый?

– Противный!

Мэри засмеялась.

– Что подделаешь! Я люблю свою свекровь и рада буду ей помочь, но проституткой ста-новиться не хочу. Придётся идти к господину Матвееву.

– А вдруг он тоже на тебя польстится?

– Может, – согласилась Мэри. – Поэтому и хочу одеться поплоче, чтобы в соблазн не вводить.

– Да куда уж плоше-то? Ходишь в одном черном платье и чепце, не красишься, украше-ния надеваешь редко.

– Совсем их сниму. Можно ещё сажей намазаться, но тогда меня примут за скоморошью бабу и вообще на порог не пустят.

– Служанка Пауля говорит, что у них дома совсем нет денег. Он вроде опять проигрался.

– Гретхен мне как-то говорила, что он крупно играет и чаще всего проигрывает. Но где? Знать бы, можно было бы властям донести, пусть его высекут⁶. Нехорошо, конечно, доносить на родственников, – Мэри перекрестилась.

– А хорошо скандал на поминках устраивать?

Хозяйка одела чулки, служанка причесала и уложила ей длинные светло-рыжие волосы. Неожиданно сказала:

– Если уж грешить с барином, то разве с таким красивым и ласковым, как брат твой, Пётр Григорьевич. Да только такой не будет девок обольщать.

Мэри удивилась. Даша никогда раньше не высказывала при ней симпатии к тому или иному мужчине.

– А у тебя хороший вкус. И умом не обижена. Если повезёт тебе и выйдешь за дворянина – будешь дамой получше, чем многие столбовые дворянки.

– Я – и за дворянина? Хорошо бы, конечно, да больно чудесно.

– А ты не веришь в чудеса?

– В церкви-то когда говорят, то верю, а жизни – нет.

– Всякое бывает, – весьма некстати Мэри потянуло на философию. – Особенно в смысле брака. В чем плохо быть женщиной, так это в том, что больше зависишь от случайности. Муж-

---

⁶ Игра в карты в описываемый период была запрещена и строго наказывалась.

чина в армии служит или коммерцией занимается, так там не столько от случая, сколько от труда, ума, деловитости успех зависит. А женщина – как лист на ветру: повезёт – вознесёт на высокую гору, не повезёт – уронит в канаву. Полюбит тебя хороший человек – будешь счастлива, а мимо пройдёт – придётся идти за кого попало.

– Или вековухой останешься. Хотя, на мой вкус, лучше вековухой, чем жить с грубияном каким или пьяницей. Но всё ты правильно говоришь, госпожа. Может, поэтому женщины больше мужчин и молятся: на себя не надеются, только на милость божию.

– Вот об этом не думала. Но не знала бы раньше, что ты умница, поняла бы сейчас.

Закончив эти душевные разговоры, Мэри пошла к свекрови, и обе дамы занялись творчеством: стали писать челобитную. Опыта не было ни одной, ни у другой, но обе старались.

Затем Мэри побеседовала с двумя кандидатами в слуги-охранники: кандидаты были такие, что пугали хуже паулевых дружков. Потом вышивала. День прошёл, как обычно.

Вечером Мэри вдруг озарило:

– Матушка, я вот что подумала. Моё приданое вложено в фабрику; я могу в любой момент потребовать его назад. Если наследство всё-таки достанется Паулю, я так и сделаю, и Вы тоже. У нас будут деньги, чтобы жить.

– Нет и не было у меня приданого, – усмехнулась старуха, – мы когда поженились, оба бедняками были. Потому и поехали в Россию, что в Гессене подошли бы с голоду, а тут нам один купец предложил работу. Всё, что есть, своим горбом нажито, иной раз и не без подлости – я вот думаю иногда, может господь нас за это карает? Но мой бедный муж все силы вкладывал в эту фабрику, возился с ней больше, чем с детьми. Мне не так обидно, что мы её потеряем, как обидно, что Пауль всё разрушит. Он же не только улучшать, но даже в порядке поддерживать не будет, всё проиграет и промотает. Я бы уж лучше её продала – не женское это дело, фабрикой управлять, но только такому человеку, который не проматывать, а беречь и улучшать будет.

– А ведь это мысль! Мы можем, пока ещё дело о наследстве не закончено, её продать, а в документах указать, что продали дешевле, чем в действительности. Вы понимаете, матушка? Продаём, допустим, за тысячу рублей, в купчей указываем сто и пусть Пауль этой сотней подавится. А разницу берём себе и живём в своё удовольствие. Моё приданое, кстати, сто двадцать рублей, так что он ещё и должен мне останется.

Флора Краузе посмотрела на невестку со смесью ужаса и восхищения.

– Сразу видно, что ты в России родилась, – проворчала она, – мне бы этакий фокус и в голову не пришёл. А ведь верно!

– Главное, надёжного человека найти, покупателя. У Вас есть такой на примете?

– Сейчас нет. Но я знаю, где его поискать. Я сейчас, слава богу, выздоровела, голова ясная, сама по гостям ездить не буду, а ты от моего имени будешь приглашать нужных людей, или слуги будут записки носить. Главное – время: успеем до решения в пользу Пауля, повернуть вспять уже не получится. Муж рассказывал про попытки оспорить сделки: годами тянулись дела и ничем не кончались.

– Решение в пользу Пауля ещё не вынесено. А я завтра иду к этому господину, пасынку канцлера Иванова. Счастье может ещё повернуться к нам лицом.

Флора вдруг с неожиданной пылкостью схватила невестку за руки.

– Мэри, девочка, я знаю, что на саване карманов нет, но умоляю тебя: спаси труды моего мужа! Детей после нас не осталось, пусть хоть дело останется! Я тебя сделаю наследницей, на колени перед тобой стану, только не дай этому вечно хихикающему злыдню всё разрушить!

– Матушка, я люблю Вас и без наследства. Я сделаю всё, что смогу.

Глава 5

Молодой человек лет двадцати семи сидел за столом и что-то писал. Он даже не поднял головы, когда Мэри вошла. Само собой, не встал и не поклонился. Госпожа Краузе-младшая подождала немного, потом решила действовать нахрапом.

Она сама, без приглашения, уселась на ближайшую лавку и громко сказала:

– Здравствуй, боярин!

Артамон Матвеев поднял голову.

– Я не боярин. И никогда им не буду.

– Почему?

– Слишком худороден.

– Ну... Вдруг у тебя будут особые заслуги.

Хозяин кабинета засмеялся:

– Даже если у меня будут заслуги, боярами станут в лучшем случае мои правнуки. Кто ты, девушка? Почему ты называешь меня боярином?

– Я не девушка, а вдова. Зовут меня Мэри Гамильтон, по мужу Краузе. Я не знаю, как правильно назвать твою должность, но если назову более низкую – ты обидишься, а если более высокую – тебе будет приятно. Боярин – высшее звание в Российском государстве.

Бумага и чернильница были отодвинуты, хозяин кабинета разглядывал гостью.

– То есть ты мне льстишь?

– Лыщу.

– А зачем?

– Я хочу просить тебя о милости к моей несчастной свекрови, матери моего покойного мужа.

Далее Мэри по возможности кратко, но красочно описала серьёзность и основательность своих свёкров, беспутство молодого Краузе, их племянника, сообщила, что он, по слухам, играет в карты, что запрещено законом, и недавно крупно проигрался, что он дал взятку пристава, причём, возможно, взятыми в долг деньгами, и что теперь в его, Матвеева, руках находится судьба двух несчастных женщин, которых хочет ограбить бессовестный злодей. Излагая эту драматическую историю, она одновременно зорко следила за собеседником, пытаясь понять его реакцию: известно, что на одних людей действуют одни аргументы, на других – другие, а факт, который одного приведёт в негодование, другого оставит равнодушным, а третьего – рассмешит. Но пасынок канцлера сохранял непроницаемый и бесстрастный вид.

– А что делают на фабрике твоего свёкра?

– Мыло.

Мыло в то не слишком гигиеническое время использовалось гораздо в меньших количествах, чем сейчас, но кусок хлеба с маслом своим производителям обеспечивало.

– Откуда ты знаешь про игру в карты?

– С чужих слов. Сама я в запрещённые игры не играю.

– А кто тебе сказал, что этот парень играет?

Мэри сослалась на капитана Норберта Фрида. Капитан Фрид был близким другом, собутельником и карточным партнером Пауля Краузе, выдавать его, тем более Мэри, никогда бы не стал. Но проверить это было невозможно.

– А кто сказал, что он дал взятку приставу?

Врать так врать.

– Пастор реформатской церкви Розенхайм.

Розенхайм был не самым близким, но приятелем Пауля.

Раскрывать же подлинный источник сведений – Дашу – было никак нельзя.

– А он тоже играет в карты?
– Вот этого не знаю, – рассмеялась теперь уже Мэри, – кажется, нет. Он человек добродетельный.

– А кто сказал, что взятка была дана взятыми в долг деньгами?

– Никто. Это я сама так предполагаю. Если Пауль проигрался, то денег у него быть не должно, но если даёт взятки, то откуда-то они взялись?

– Разумно. А от меня ты что хочешь?

– Помощи! У нас с матушкой Флорой осталась одна надежда: пасть к ногам милосердного государя. Но мы робкие женщины и не знаем, как можно ли нам добиваться встречи с царём, не знаем, как обращаться к его величеству, и боимся помешать государственным делам или неловким словом прогневить великого царя. Говорят, что ты умный человек и можешь выбрать день и час, когда его величество милосердно приклонит ухо к нашей просьбе.

Матвеев давно уже понял, что от него хотят, но от души забавлялся, слушая красивые речи красивой вдовы.

– Это сложно. Согласно Соборному уложению, наследство должно отходить родственникам покойного, а не бездетной вдове.

– Но княгиня Лобанова-Ростовская...

– Княгиня – внучка мамки государя, и весьма ловко использует память о бабушке для своего обогащения. Бабушка твоей свекрови ведь мамкой государя не была?

– Нет. Но мой свёкор оставил завещание в её пользу. Можно это использовать? Не просить государя распорядится наследством, а утвердить завещание...

Мэри смущённо замолкла. Она вступала на весьма зыбкую почву.

– А ведь верно! Иногда бывает, что государь утверждает не совсем обычные распоряжения усопших, как с боярином Шереметьевым, например, который отдал дочери и зятю то, на что претендовали сыновья. Ты умница. Если под таким соусом подать... Матвеев замолчал, словно опасаясь сказать лишнее.

– Кто тебе посоветовал ко мне обратиться?

– Госпожа Харитонова, – ответила Мэри, надеясь, что Соломонии это не повредит.

– Не знаю такую. Покажи мне челобитную, если она у тебя с собой.

Мэри протянула ему вчерашнее сочинение.

– Так не пойдёт. Во-первых, обращаться надо иначе...

– Скажи как!

С разрешения хозяина Мэри взяла его перо и начала перечеркивать, исправлять и добавлять по указанию Матвеева.

– Завтра принесешь мне исправленное прошение. Как скоро нужен ответ?

– Насколько я понимаю, спешки нет. Важнее результат. Лучше подождать, но получить одобрение.

– Это я и хотел узнать. Я буду ждать подходящего момента.

Собеседники задумчиво посмотрели друг на друга.

– Ты столько делаешь для нас, бо...

– Я стрелецкий голова, полковник.

– Спасибо, полковник. За твои труды, какой подарок мы могли бы тебе сделать?

Матвеев подумал и назвал сумму не маленькую, но доступную для вдовы Краузе.

Когда Мэри стояла уже у двери, её окликнули.

– У тебя красивые глаза. Как орешки лещины.

– Это глаза порядочной женщины, – чопорно ответила Мэри. И, смягчив холод ответа поклоном, вышла.

– Как тебе показался этот господин Матвеев? – спросила матушка Флора.

– Неучтив, как все русские.

На следующий день она Матвеева в доме не застала и с некоторым даже облегчением передала исправленное прошение и кошелёк экономке Домне Трофимовне – почтенной полной женщине.

Глава 6

Весна всё сильнее напоминала о себе: оттепелью, слякотью, ветром, тем пронзительным и беспокойным духом, который сопровождает пробуждение природы.

Флора Краузе осторожно и скрытно подыскивала покупателя. Мэри наняла нового слугу, который выполнял вместе с Иоганном тяжелую работу и должен был в случае чего защищать хозяек.

Новости вошли в их дом вместе с Артамоном Матвеевым, одетым в стрелецкий кафтан лилового цвета, серьёзным и как будто грустным. Обе женщины приняли его в гостиной, мысленно приготовившись к худшему.

После положенных приветствий и небольшой паузы гость вынул из-за пазухи бумажный свиток и сказал:

– Великий государь утвердил завещание. Всё теперь твоё, госпожа.

Это относилось к Флоре.

Флора перекрестилась. Мэри радостно ахнула и негромко хлопнула в ладоши. Гость улыбнулся.

– Это было трудно?

– Это было очень трудно.

В серых глазах гостя мелькнуло что-то такое, что заставило Мэри заподозрить: он преувеличивает трудности, чтобы снискать побольше благодарностей. Но если даже и так – почему нет? От любезных слов язык не сломается. А может, вовсе он не преувеличивает.

Благодарности были выданы ему обильно и с жаром, причём, что характерно, искренним. В основном старалась Мэри, но Флора тоже не отставала; Матвеев слушал. Когда же дамы притомились, младшая предложила гостю пообедать, «если это не против его веры и его не смущает обедать с женщинами»⁷. Флора немедленно добавила, что ничего, противного православным традициям, у них не готовят. Полковник согласился так охотно, как будто именно этого и ждал.

– То, что на вас – это и есть немецкое женское платье? Я мужские камзолы и прочее видел, а вот женские наряды – ни разу.

– И как тебе нравятся наши платья? – с улыбкой спросила Мэри.

– Нравятся. Не широкая одежда, а как будто облегает.

– Так и есть, – согласилась Мэри, а про себя подумала: хорошо, что на них закрытые скромные платья, без вырезов.

Матушка Флора немедленно стала жаловаться на трудности вынужденного переодевания: большинство иностранцев уже привыкли к русской одежде, а им вдруг приказали носить немецкое платье, которое негде было купить и мало кто умел шить.

– Это правда, – тихо подтвердила Мэри. – Моя мама хорошо шьёт, и её умение создало ей внезапную популярность. У неё учились сами наши дамы, присылали к ней слуг, самые наглые просили сшить им платья.

Не в добрый час упомянула она о слугах: свекровь ухватилась за новую тему для жалоб.

– Держать русских слуг нам нельзя, а везти их из Германии или Голландии – чудовищно дорого и неудобно. Приходится идти на всякие хитрости...

Тут госпожа Краузе сообразила, что говорит лишнее.

– Царь и патриарх считают, что православные люди не должны быть слугами иноверцев. А какие у вас хитрости в ходу?

---

⁷ В России XVII века было принято, чтобы мужчины и женщины принимали пищу отдельно друг от друга. Исключения делались только в определённых случаях, например, на свадьбах.

– Ну... э... а ты не будешь на нас доносить?

– Нет, – гость улыбнулся, – просто из любопытства спрашиваю.

– Ну... договариваемся с русскими друзьями или выкрестами, что слуги числятся как бы у них, а на самом деле у нас... Или что они не слуги, а угол снимают, – добавила она смущённо.

– Или принимаете беглых, – опять улыбнулся Матвеев.

Мэри сидела как на иголках. Похоже, русские власти знали больше, чем хотелось бы обитателям Немецкой слободы.

– Нет, что ты, это же незаконно, – ответила она сахарным голосом.

– Я лично так не делаю, – добавила её свекровь голосом не менее сахарным, – но могу понять того, кто будет так делать.

– Боюсь, что власти и прежние хозяева не поймут. Вообще же у вас есть выход: принять православие, и сложностей этих не будет.

– Поменять веру не так-то просто, если, конечно, ты не Анри Четвёртый.

– Кто это?

Мэри приказала подать сладкое и объяснила, что это французский король, прославленный любовными похождениями и тем, что он четыре раза менял веру.

– Четыре раза? Нет, я понимаю один, ну два, но четыре...

Кончилось тем, что пришлось рассказывать гостю про Анри Четвёртого, предварительно предупредив, что это рассказ долгий.

– Я никуда не тороплюсь. И если вы, женщины, меня не гоните – с удовольствием послушаю.

Мэри начала, что называется, *ab ovo*⁸:

– Во Франции есть закон, называемый салическим, по которому женщина не может сесть на трон. Поэтому если в Кастилии была королева Изабелла, в Шотландии – королева Мария, а в Англии – Мария и Елизавета...

– Это с которой царь Иван Васильевич переписывался?

– Да, верно. А у французов, когда умерли один за другим три брата-короля из династии Валуа, на престол взошла не их сестра Маргарита, а их не то семиюродный, не то ещё более дальний родственник, король Наварры Анри...

Мэри рассказывала с увлечением, а собеседник слушал её, как Шахрияр Шахерезаду, иногда задавая вопросы; эти вопросы обнаруживали как знания, так и незнания в самых неожиданных областях. Наконец добрались до самого конца:

– И вот, старый уже король влюбился в молоденькую знатную даму, красавицу Шарлотту де Монморанси. Он решил её выдать замуж за своего племянника, молодого герцога Конде, но так, чтобы юноша только числился её мужем, а удовольствиями мужа пользовался сам король. Однако молодой человек влюбился в свою красавицу-супругу и увёз её во владения испанского короля.

В этом месте Матвеев начал смеяться.

– Король Анри был в ярости и грозил войной испанскому королю. Правда, некоторые люди утверждают, что красавица Шарлотта была только предлогом, а на самом деле Анри хотел отнять у испанцев их земли, но я думаю, что обе причины, так сказать, сложились друг с другом. Никто не знает, что думала сама девушка: одни говорят, что она была рада сбежать от короля-старика с молодым парнем, а другие – что она любила Анри и тайно посылала ему письма с просьбами спасти её, а мужа к себе в постель не пускала. Но вдруг один монах, католик, прямо на улице подбежал к карете короля, запрыгнул в неё и поразил короля кинжалом.

Аргамон Сергеевич перекрестился.

---

⁸ «от яйца» (лат.), т. е. «от начала начал».

– Разумеется, монаха подвергли мучительной казни, но король от этого не воскрес. Новым королем стал сын Генриха, Луи, маленький мальчик, а регентшей – его мать, королева Мария. Она разрешила супругам вернуться во Францию. Но герцог Конде впутался в заговор против друзей королевы. . .

– Какой беспокойный юноша, – неожиданно встряла Флора Краузе. Как выяснилось впоследствии, она не знала подробностей жизни Анри Четвёртого и слушала с таким же интересом, как и гость.

– Королева-регентша посадила его в тюрьму. Неожиданно для всех Шарлотта попросила разрешения навещать мужа, а затем и разрешения поселиться в его камере. Там, в тюрьме, родилась их старшая дочь, знаменитая красавица, а потом их выпустили из тюрьмы. Сейчас же во Франции царствует внук короля Анри, а правит от его имени мать, королева Анна Австрийская.

– К этому можно добавить, – снова высказалась Флора, – это французы во всей Европе известны как развратники, а уж король Анри – блудодей из блудодеёв. Не то, что наш великий государь, – в этот момент хозяйка дома церемонно встала, а Мэри и Артамон Сергеевич последовали её примеру, – который ведёт себя добродетельно, не посягает на честь жен и дочерей своих подданных и являет собой пример прекрасной семейной жизни.

– Это верно, – серьёзно подтвердил Матвеев, – государь добрый и добродетельный человек. Даже если бы он родился в простой семье, то снискал бы всеобщее уважение. А то, что нашему народу ниспослан столь прекрасный правитель – великая божья милость.

Все перекрестились: кто слева направо, кто справа налево. Флора была очень довольна: эта маленькая демонстрация, вполне, впрочем, искренняя – добродетелью Алексея Михайловича восторгались многие – должна была сгладить неприятное впечатление от разговоров о беглых.

– Расскажи и ты нам что-нибудь интересное, – попросила Мэри.

– Лучше всего про любовь, – добавила Флора.

Все трое уже развеселились и чувствовали себя вполне непринуждённо.

– Твои слова, госпожа, о женах и дочерях подданных, – начал Матвеев, – напомнили мне о великом царе, который, однако же, не гнушался, посягать на их честь – об Иване Васильевиче Грозном. Вы знаете историю про Василису Мелентьеву?

– Нет, – дружно закричали женщины. И превратились в слух.

– Царь Иван Васильевич отправил в монастырь свою четвёртую жену, царицу Анну, и скучал в одиночестве. Он случайно увидел из окна Василису, жену простого дьяка Мелентия. Василиса была уже немолода, но очень красива, и царь воспылал к ней страстью.

Он послал своего слугу к Мелентию и приказал ему придти во дворец вместе с женой. Мелентий всё понял и в назначенный день объявил себя больным. Не спрашивайте, почему он не сбежал – я не знаю. Царь тоже всё понял и послал к Мелентию доверенного опричника. После этого Мелентий уже ничем не болел, потому что умер, а Василису привели к царю. Вроде бы он даже с ней венчался, но венчание было незаконным – церковь допускает только три брака, иногда разрешает четвёртый, но пятый – это уже совсем нельзя. Хотя, возможно, венчания и не было, они просто жили вместе. Спустя некоторое время Василиса умерла. Сказители иногда утверждают, что она изменила царю, и Иван Васильевич приказал убить любовника Василисы, а её живой зарыть в могилу вместе с ним.

Слушательницы содрогнулись.

– Но боярин Пушкин утверждает, что ничего такого не было, и Василиса Мелентьева умерла естественным образом, от болезни. Ещё он утверждает, что эта бедная женщина, даже не дворянка, не принесла царю никакого видимого приданого – ни денег, ни земель – но принесла ему в приданое удачу. В то время, когда царь был женат на Василисе, ему необыкновенно везло – и на войне, и в делах внутри государства, и даже освоение Сибири началось как раз

тогда. Когда же царица-простолюдинка умерла, удача в Ливонской войне отвернулась от нас, и мы потеряли Ивангород, Копорье, Велиж.

У Василисы не было детей от Ивана Васильевича, но были дети от мужа – сын и дочь. Иван Васильевич пожаловал своим пасынку и падчерице обширную вотчину в полтора десятин плодородной земли. После смерти матери дети жили в этой вотчине с опекуницей-дворянкой, которая занималась их воспитанием и, к счастью, полюбила как родных. Дворянка эта нашла воспитаннице жениха, или они случайно познакомились – боярин Григорий Гаврилович не говорил, но его отец, Гаврила Пушкин, юноша девятнадцати лет, страстно влюбился в красавицу Марию Мелентьеву. Другие Пушкины стали его осуждать, но Гаврила заявил: если мать была достаточно хороша для царя всея Руси, то дочь должна быть достаточно хороша для простого дворянина.

– Ловко, – засмеялась Флора.

– Брат и сестра любовно разделили вотчину, и у Гаврилы с Марией родилось два сына: Григорий и Степан. Григорий Гаврилович милостью нынешнего государя пожалован званием боярина. Он нам и рассказывал эту историю, добавляя, что его мать тоже обладала этим даром – приносить мужу удачу.

Помолчав немного, Матвеев добавил:

– Может, он и преувеличивает. Я потом специально смотрел по книгам – поход Ермака начался позже, уже после смерти Василисы Мелентьевой.

– Всё равно! Даже если он и преувеличивает – какая красивая история!

– А это точно было? – с недоверием спросила Мэри. – Я слышала про царицу Анастасию, про Марию Темрюковну, а вот про Василису – первый раз.

– Точно было.

– Но какой интересный образ, – заметила Флора. – Удача в приданное.

– Награда царю за бескорыстье, – улыбнулась Мэри.

За этими волнующими разговорами не заметили, как наступил вечер. Мэри испугалась:

– Ты доедешь до дома? Дать слугу с фонарём в сопровождающие?

– Доеду. За окном луна.

Гость поблагодарил, заявив, что ему было «очень интересно».

– Это его ты называла «неучтивым»? – спросила по-немецки Флора. – По мне, так довольно мил.

Мэри взяла свечу и пошла провожать гостя.

– Не обращай внимания на воркотню матушки Флоры, – говорила она уже в сенях. – Это так, для вида. Мы тебе очень благодарны. Очень!

– Ты хочешь меня поблагодарить? – спросил Матвеев. – Поцелуй меня.

– Только поцеловать? – осторожно спросила Мэри.

– Только.

Она поставила свечу на сундук и помедлила. Смущала молодую женщину не столько безнравственность – в невинном поцелуе не видели в ту эпоху ничего ужасного – сколько небольшая тёмно-русская бородака её визави. Муж Мэри умер, не успев обзавестись бородой, да и принадлежал от природы к тому типу мужчин, у которых волосы на лице почти не растут. И ни разу не приходилось ей целоваться с бородачком. Даже дядюшка её, Григорий Петрович, хотя и принял православие, а бороду брил. Она же будет мешать, лезть в рот, неприятно.

Наконец, набравшись храбрости, Мэри подошла вплотную к гостю – они были почти одного роста, осторожно раздвинула пальчиками волосы вокруг губ – розовых и неожиданно нежных – и прикоснулась к ним своими. Ничего страшного не произошло; волосы оказались мягкими и шелковистыми, в рот не лезли, прикосновение их к коже было даже приятно. Молодая женщина прильнула смелее; сени вдруг закружились вокруг неё в сладостном и жутком

танце; руки мужчины обвились вокруг её талии, её собственные руки непроизвольно легли на его плечи.

Глава 7

*Ваши дед портной, ваши дядя повар,
А вы, вы модный господин, —
Таков об вас народный говор,
И дива нет — не вы одни.
Потомку предков благородных,
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков модных
И не варит обеда мне.*

А. С. Пушкин. «Жалоба»

По апрельской раскисшей дороге Мэри ехала с фабрики домой — молодая, весёлая, счастливая, поднимая лицо к небу и сладостно жмурясь. Русские женщины того времени если уж ездили верхом, то на мужском седле и в шляпе с перьями и вуалью, закрывавшей нижнюю часть лица от пыли и загара; цариц сопровождали целые кавалькады таких наездниц, шляпы с перьями Евдокия Стрешнева, сама любительница верховой езды, дарила другой любительнице — своей сестре Федосье.

Мэри Гамильтон Краузе охотно следовала этой моде; однажды сев на дамское седло, она сочла его крайне неудобным и более этого не делала. Дела её шли хорошо, стояла весна, мир радовал глаз свежей зеленью — чего ей не радоваться? Если бы не мокрая дорога — ещё бы и лошадь вскачь пустила.

— Не свалишься, красавица? — насмешливо спросил её из-за кустов чей-то голос. От испуга и неожиданности Мэри действительно едва не свалилась. В последний момент удержавшись в седле, она сунула руку под накидку и ухватилась за рукоять пистолета.

Раздвинув ветки кустов — Мэри вдруг увидела за ними небольшую тропинку, которую раньше не замечала — на дорогу выехал всадник. Настороженность молодой женщины сменилась облегчением.

— И не стыдно тебе, Артамон Сергеевич, пугать бедную женщину? — язвительно поинтересовалась она.

— А не опасно ли тебе, бедная женщина, ездить одной по глухой дороге? — не менее язвительно поинтересовался он.

— Лошадь хорошая, я в случае чего могу ускакать. Хотя, конечно, не по такой слякоти. Из осторожности она решила не говорить про своё оружие.

Дальше ехали вместе.

Матвеев рассказал, что ездил в Рошкинку — одну из двух деревенок, оставленных ему отцом. Обычно он ездит другим путём, но там сейчас такая страшная лужа, что он пожалел коня и поехал здесь — так как здесь повыше и посуше.

Мэри, в свою очередь, рассказала, что ездила на фабрику — проверять, всё ли в порядке и не слишком ли заворовался управляющий.

— Воровать он в любом случае будет, главное, чтобы прибыль была и часть её нам оставалась, — добавила она со смешком.

Молодая женщина ожидала, что её будут расспрашивать о делах, но спутник неожиданно сказал:

— Я спрашивал о тебе одного знакомого иностранца. Он сказал, что ты знатного рода. Это правда?

— Да, — немного удивилась Мэри. — Гамильтоны — знаменитый и прославленный клан, состоящий в родстве со Стюартами и Брюсами.

– Завидую тебе. Я одно время пытался всех убеждать, что являюсь потомком знатного выходца из Литвы, но мне в лицо смеялись. Слишком многие люди при дворе знают, что дед мой был простым ополченцем в армии князя Пожарского, отец – дьяком Посольского приказа и первым дворянином в роду, а отчим – купцом.

Мэри удивлённо пожала плечами:

– Возможно, я недостаточно ценю то, что получила по рождению, но мне кажется, что умный человек не станет глупее, если он простолюдин, а негодяй не станет лучше, если он – сын знатного человека. Лучше прославить скромный род, чем опозорить знатный.

– Ты чем-то опозорила свой род?

– Я? Ничем. Я говорю вообще.

– Так-то так, но худородство сильно усложняет жизнь, а знатность – облегчает. Я был бы рад родиться сыном боярина.

Мэри поняла, что её экспромтом сказанные при первой встрече слова оставили сильное впечатление.

– Мой отец, обедневший отпрыск старинного рода, зарабатывал на жизнь искусством врачевания, и не сказать, чтобы особенно процветал. А я сама, потомок шотландских королей, прошу сына дьяка о помощи. Попробуй утешиться этим.

Матвеев улыбнулся:

– Ты совсем как мой друг, Кирилл Нарышкин. Он однажды по пьяни дивился: мол, они с братом, столбовые дворяне, служат сыну дьяка. Правда, тут же добавил, что всё равно меня любит и уважает.

Мэри рассмеялась:

– И ведь уважает не за знатность, а за тебя самого, верно?

– Как хорошо ты умеешь льстить, – молодой человек посмотрел на неё вдруг с такой мягкой покорностью, что женщина вздрогнула. Этот взгляд проник в её душу.

Въехали на окраину Москвы. Мэри смущённо сказала, что они не ждали сегодня гостей, но если он не торопится, то может заехать и поприветствовать матушку Флору.

– Буду рад.

А потом, может быть, они снова поцелуются в сенях. А если он не захочет? Не захочет – не надо.

Молодые люди едва успели спешиться, как из дома донеслись какие-то шлепки и крики. Мэри стремительно бросилась в гостиную и увидела дикую сцену: пастор Розенхайм оттаскивал Пауля от Флоры Краузе, а на щеках пожилой женщины виднелись красные следы. В бешенстве Мэри подняла хлыст и начала лупить им Пауля, изредка попадая по пастору.

– Иоганн, Тимофей, – кричала она при этом, – сюда! Немедленно!

Пауль вырвался из рук приятеля и ловко вырвал хлыст из рук Мэри, параллельно ударив её ногой. Мэри обернулась вокруг в поисках предмета, который можно было швырнуть в Пауля, но её опередили ворвавшиеся в комнату Иоганн и Тимофей.

– Вышвырните его! – приказала Мэри. Сначала по-русски, потом по-немецки.

Слуги выволокли яростно сопротивлявшегося Пауля из дома. Затем вышел Розенхайм, коротко сказав, что извиняется за поведение друга. Ни Мэри, ни Флора на эти извинения не ответили.

Мэри упала на колени перед креслом Флоры.

– Матушка, как Вы? – спросила она участливо.

– Не умерла, – усмехнулась мужественная женщина.

– Что случилось?

– Пришёл требовать у меня деньги. Говорил, что я его ограбила.

– Вы могли бы дать ему деньги один раз в обмен на отказ от дальнейших претензий.

– Он никогда не откажется от претензий. Такой уж характер: считает, что все вокруг обязаны ему угодить – он же мужчина, да ещё и красавец!

– Может, Вам лечь отдохнуть?

– Я не устала. Не волнуйся, девочка.

Мэри встала. Сочувствие к свекрови, сознание собственного унижения и ненависть к самцам, которым принадлежит весь мир, накрыли её тёмной волной ярости. Когда Матвеев взял её за руку, она инстинктивно вскрикнула и выдернула руку; в этот момент все мужчины были ей противны.

– Что происходит? – мягко спросил он. – Я не понимаю вашего языка.

Чтобы не заставляя свекровь снова переживать происшедшее, Мэри вывела гостя во двор и коротко объяснила. Внезапно ей пришла мысль: он не знает их языка, но глазам переводчик не нужен; видел всё то же, что и она сама, однако не вмешался, не заступился ни за матушку Флору, ни за неё. А почему, собственно, он должен за неё заступаться? Потому, что один раз целовался с ней? Мужская солидарность важнее.

Собеседник выслушал её, не высказывая никаких чувств и никак не комментируя рассказ.

– А этот священник зачем приходил?

– Не знаю. Может, хотел присмотреть за поведением Пауля – он вроде хороший человек, это я о пасторе, может, наоборот – надеялся подействовать на матушку Флору своим авторитетом святого отца. Очень глупо, если так, потому что мы другой веры – что нам этот протестант?

– То есть он не вашей веры?

– Нет, конечно. Мы католики.

И тут на лице Матвеева появились недоверие и ужас.

– Вы католики? А я думал – лютеране.

– Нет, – ответила Мэри и раздражённо подумала: а это-то тут причём? Какая ему разница?

– Неприятно, – рассеяно заметил Матвеев, скорее подумал вслух, – а правда ли, что все московские католики шпионят для польского короля?

На языке молодой женщины сами собой появились отборнейшие русские ругательства, и лишь недавнее воспоминание о своих благородных предках удержало её от вывода их на воздух. Хороша представительница древнего рода, потомок королей, которую бьют ногой и которая потом ругается матом.

– То, что православные и протестанты считают нас шпионами Римского Папы, я уже слышала не раз, но про польского короля – это что-то новенькое. Прости, Артамон Сергеевич, если ты считаешь меня шпионкой, то лучше нам не разговаривать.

Она отвернулась и пошла в дом, трясаясь от негодования. Он, наверное, сел на коня и уехал. Она не смотрела.

В довершение всех бед Мэри некстати вспомнила старую историю. Когда-то давно отец рассказывал матери какую-то историю про человека, женившегося из жалости на дочери тирана-отца, чтобы спасти её от побоев.

– Разумеется, – заключил отец, – ничего хорошего из этого не вышло.

– Почему? – спросила Мэри.

Отец объяснил, что на девушках из плохих семей словно невидимое клеймо – они никогда не бывают хорошими женами. Лучше их избегать.

Мэри возмутилась. Её детскому уму это казалось несправедливым: если девушке плохо, её и пожалеть нельзя?

Позже мать объяснила, что никогда не надо перед окружающими, особенно мужчинами, попадать в неприятную или постыдную ситуацию: это порочит прежде всего героиню ситуации. Мэри с ней не согласилась, но доказать свою правоту не смогла. Разве виновата девочка, кото-

рой попались злые родители или жестокие братья? Женщина, которую бьёт муж? Несчастливая, которую изнасиловали? Но общество презирает дочь недостойных родителей, сестру злых братьев попрекает тем, что «собственные братья её не любят», над битой женой смеётся, жертву считает «обесчещенной», а насильник как ни в чём не бывало является в обществе и считается завидным женихом.

Родители сказали, что она дура и пусть ни с кем этими дурацкими мыслями не делится, а то ей же хуже будет.

Она всё рискнула, много позже, изложить эти соображения мужу: он сказал, что в её рассуждениях есть логика, однако плетью обуха не перешибёшь и весь мир не переспоришь.

А больше она ни с кем дурацкими мыслями не делилась.

И вот теперь господин Матвеев будет презирать её саму и матушку Флору за то, что Пауль на них набросился.

Черт с ним; прошение царю передал, уже спасибо. А так всё приятно было в прошлый раз!

Накопившееся раздражение обрушилось гневом на голову Тимофея: зачем его брали на работу, черт побери? Прежде всего, для защиты хозяек, а он где был, когда Пауль едва не убил госпожу Флору?

– Так он сказал – он племянник, – растерянно объяснял Тимофей, – я думал – от племянника-то ничего плохого не будет.

– Ты уволен, – зло бросила Мэри.

Он ушёл, но через минуту пришёл Иоганн и стал просить, чтобы Тимофея оставили:

– Мы начали сарай чинить, мне одному не справиться.

«Опять мужская солидарность» – зло подумала госпожа Краузе-младшая. И уступила.

Глава 8

Была бы спина – будет и вина.

Эту циничную и мудрую истину твердила себе Мэри, обдумывая план дальнейших действий. От Пауля надо избавляться – но как? Вызвать на дуэль?

Дуэли в России запрещены.

Пауль стреляет лучше неё.

Фехтовать она вообще не умеет.

Она слышала, что при дворе Анри Четвёртого женщины дрались на дуэлях между собой, но такого, чтобы женщина дралась с мужчиной, даже там не случалось.

Убить из-за угла?

Нет, такой грех она на душу не возьмёт.

Хотя можно было бы убить, а потом спасти свою жизнь переходом в православие. Несколько лет назад господина Лесли приговорили к смертной казни за святотатство, но Алексей Михайлович обещал ему помилование, если тот примет греческую веру; господин Лесли решил, что его жизнь стоит обедни. Чуть позже офицер-иностранец убил своего отчима, а затем купил помилование ценой перекрещения. Но она так низко падать не будет.

Остаётся только путь, указанный мудрой поговоркой: найти вину для спины Пауля. И потом напугать его или заставить уехать.

Пауль играет в карты, возможно, курит, возможно, ещё что-то запрещённое делает, но не попадает. А надо, чтобы попался. Тогда его накажут, а она будет не причём.

Хотя на самом деле причём. Себя не обманешь, и бога тоже.

Но иначе остаётся только терпеть и жить в постоянном страхе. Он уже вломился в их дом и напал на Флору. Завтра вместе с друзьями подкараулит её саму и изнасилует – Мэри передёрнуло – и она же ещё будет «обесчещена».

Вот ещё неприятность – Пауль сторговался с дьяком. Если что, подкупленный чиновник просто засунет под сукно жалобы на Пауля. А кто начальник над этим дьяком? Боже, как мало она знает о жизни!

Считается, что женщинам и не надо знать подобные вещи – женщин должны и защищать, и наказывать их мужчины. Но её муж и свёкор умерли, а к дяде и кузену обращаться стыдно: у них и без неё есть чем заняться.

Было ещё обстоятельство: ради тётушки Минодоры дядюшка перешёл в православие. Его кузен, отец Мэри, не перестал после этого любить брата, но Джейн Гамильтон – рьяная католичка – деверя решительно осудила. И после смерти мужа запретила дочери видаться с дядей и его семьёй. Мэри, разумеется, виделась, особенно после замужества, когда материнский надзор за ней прекратился, но старалась это скрывать. Мать узнает – будет крик.

Есть, конечно, выход очень простой: продать фабрику, дом, получить разрешение на выезд и уехать. Будь она одна – это было бы легко, но как везти матушку Флору, которая из дома не выходит? И куда? На родину предков, в Шотландию? Прекрасная мысль: там как раз гражданская война, республиканцы и протестанты истребляют монархистов и католиков. Самое то для вас, леди Гамильтон. В Гессен-Кассель, на родину матушки Флоры? В Вологду или Архангельск? Вот это более выполнимо, но кто помешает Паулю добраться до них и там? И да, если они продадут фабрику и повезут с собой сундуки с серебром – Паулю будет очень удобно их ограбить.

В конечном счёте Мэри решила поговорить со свекровью о возможном отъезде – по возможности тайном, но в первую очередь подкупила через бесценную Дашу служанку Пауля – дабы знать, где, когда и что он делает.

А ещё стала обходить, несмотря на траур, знакомых, продолжая наводить справки – на этот раз не о подаче челобитных, а о делах, планах и друзьях молодого Краузе.

Глава 9

В результате она узнала, что Пауль задолжал жалованье слугам. Набрал в долг у всех своих друзей, даже у дьяка Щеглова, с которым сумел закорешиться – и то успел взять в долг. Хуже всех пришлось пастору Розенхайму – в чайнии дядиного наследства Пауль ободрал бедного священника как липку. Меж тем наследство пролетело мимо, и молодой Краузе пытался спасти свои финансы, удваивая ставки и рискуя за карточным столом, но получалось плохо. Все эти ценные сведения Мэри заносила в отдельную тетрадку, надеясь использовать их в качестве оборонительных средств, и горько жалела о том, что о сеансах запрещенных игр узнавала только постфактум: сообщили бы ей хоть раз, что «Пауль сейчас за картами» – и она перешла бы от обороны к наступлению и донесла властям. Однако все эти военные планы были отменены по не зависящим от неё причинам.

– Господин Пауль исчез, – радостно сообщила однажды Даша. – Его служанка сказала.

Выяснилось, что в один прекрасный день Пауль собрал часть вещей и сообщил служанке, что уезжает на два дня. Прошло два дня, потом ещё два, потом неделя.

Мэри вздрогнула: неужели бог избавил её от Пауля без каких-либо подлых поступков с её стороны?

Несколько дней спустя вдов Краузе навестили капитан Фрид и пастор Розенхайм.

– Этот дом – последнее место, где стоит искать Пауля, – сказала им матушка Флора.

– Это и есть последнее место, в котором мы его ищем, – вежливо ответил Розенхайм.

– Дамы, – спросил Герман Бек, – вы не могли бы помочь нам?

– Оказать гостеприимство моим родственникам, – уточнила его жена Гретхен.

– Мы переезжали в такой спешке, что плохо сделали крышу. Сейчас в половине комнат течёт, нам их негде разместить.

– Их – это кого?

– Мою двоюродную сестру с мужем. Муж её шотландец, как и ты, Мэри. Они приехали в Москву по торговым делам отца кузины.

– Это можно, – кивнула Флора Краузе, – Мужчин без женщин я бы не пустила, это неприлично, а вот супружескую пару – можно.

– Спасибо вам! Я уж думал, не купить ли нам дом Пауля, но слишком разорительно покупать целый дом ради людей, которые приехали на месяц, много – на два.

Оказалось, что многочисленные кредиторы Пауля добились продажи остатков его имущества. О самом Пауле ничего не было известно.

– Может, он умер? – предположила Флора.

– Может, – легко согласился Герман. – Но, скорее всего, скрывается. Его здорово напугали.

– Кто?

– Это целая история. Есть здесь такой офицер – Александр Гипсон. Милый человек, увлекается ботаникой. Однажды к нему подошёл едва знакомый стрелецкий офицер и предупредил: на тебя поступил донос, якобы ты собираешь растения и занимаешься ворожбой. Поберегись! Гипсон не поверил, но вечером рассказал об этом своей экономке и одновременно любовнице. Та как раз поверила, пришла в ужас, хотела даже сжечь его гербарии. Парень гербарии жечь отказался, но он добрый и решил уступить взволнованной женщине. Хотя было уже поздно, собрали все папки с растениями и принесли ко мне – прятать. Утром следующего дня нашу парочку разбудили приказные дьяки, искавшие травы и колдовские снадобья.

Для Александра и его дамы дело ограничилось испугом, но он оценил опасность занятий ботаникой и проникся благодарностью как к тому стрельцу, так и к экономке. Некоторое время назад офицер-благодетель вдруг стал расспрашивать Гипсона о различных обитателях Немец-

кой слободы, и бедный парень вертелся, как уж – и тайны своих знакомых выдавать не хотел, и спасителя обманывать было неловко. А совсем недавно этот стрелец сказал Гипсону: «Ты знаешь Пауля Краузе? Передай, что ему грозят такие неприятности, перед которыми обвинение в колдовстве покажется бледной тенью. Лучше всего ему уехать из Москвы.» «Куда?» «А это пусть сам решает.» Гипсон плохо знал Пауля, но тем не менее пошёл его предупредить. Ваш родственник пошёл пятнами уже на середине рассказа.

Оказалось, что некоторое время назад Пауль и его приятель, капитан Фрид, напились и стали стрелять по галкам. Так метко стреляли, что ни одна галка не погибла, но зато Пауль прострелили надвратную икону у ближайшего монастыря.

– Не может быть, – не поверила Мэри, – Пауль хорошо стреляет.

– Хорошо. А капитан Фрид – так просто отлично. Я ж сказал – оба пьяные были.

Но при виде простреленной иконы Фрид протрезвел от страха: за такое святотатство можно пойти в Сибирь или даже сгореть в срубе. Монахи были на службе, а может, и где-то в другом месте, прохожих, кроме них – никого; Фрид увёл друга и они уже считали, что пронесло. Когда же Пауль получил предупреждение, то решил, что лучше его послушаться и скрылся.

– И на следующее утро к нему пришли дьяки?

– Нет.

«Вот почему мне это рассказывают только сейчас? Почему я не узнала об этой истории тогда, когда спор о наследстве был в самом разгаре? Нет, понятно почему: Пауль и капитан стрельбу по галкам тщательно скрывали, и от меня в первую очередь.»

– А как зовут стрелецкого офицера? Ну, который предупредил?

– Гипсон мне не сказал, а может быть, и сам не запомнил. Он ещё плохо говорит по-русски и очень плохо запоминает русские имена.

– Ну, с экономкой-то он договорился.

– Мэри!

– Для разговоров с экономкой много слов не надо. А потом, экономка его уже служила в немецком доме, кое-как изъясняется на нашем языке. Почти как ваша Дарья.

– Дарья говорит уже довольно прилично, целыми фразами.

Мэри и Дарья приготовили комнату для гостей. Кузина Гретхен, Цецилия, оказалась молоденькой блондинкой лет восемнадцати, по-детски пухленькой, с голубыми наивными глазками. Её муж, Роберт Дуглас, красивый мужчина, чем-то похожий на портрет герцога Бэкингема, явно обрадовался встрече с соотечественницей. Он взахлёб стал рассказывать про своё участие в недавней гражданской войне, про вынужденный переезд в Бранденбургскую Помеρανью и брак с Цецилией.

– Извините, я задерживаю Вас, мадам... Надеюсь, мы ещё успеем поговорить о нашей далёкой родине.

«Где я никогда не была», – подумала молодая женщина.

Последний в этот день разговор состоялся у неё со свекровью.

– Мэри! Когда нам сказали про стрелецкого офицера – ты не подумала случайно про одного нашего знакомого?

– Подумала, – призналась Мэри. – Если это он, то это прекрасно: избавил нас от Пауля ловко и без греха. Не считать же грехом небольшой обман!

– Вот уж действительно: был бы человек, а вина найдётся, – засмеялась Флора.

– Интересно: он знал про эту историю или действовал наудачу?

– Спроси у него, – предложила Флора, лукаво глядя на невестку. Та покраснела:

– Вы же видите – он к нам не заходит. Спрашивать некого.

Уже лежа в постели, Мэри ещё раз мысленно поблагодарила – уже не бога, а человека. Может, это не он, но очень хочется думать, что это он, несмотря на их ссору, подозрения в

шпионстве, «мужскую солидарность», бескорыстно помог двум женщинам. Спасибо ему, если так.

Кроме благодарности, было в её сердце ещё нечто – то, что она гнала от себя и в то же время призывала. Сладкое безумие, томительная мечта о невозможном.

Глава 10

Мэри пришлось оставить домашние дела, вышивание и книги и ходить по Москве с Дугласом. Сей доблестный муж у себя в Померании изучил кое-как польский язык и наивно думал, что сможет объясняться с «москалями». Не смог. Кроме того, он не знал местных законов и обычаев, что создавало для него затруднения и даже опасности. Мэри не могла покинуть своего гостя в час испытаний.

– Что случилось с канатами? Почему они вдруг пропали из продажи? Как такое могло случиться вообще?

– В торговых делах может случиться всякое, – утешала его спутница. – А сейчас это может быть связано ещё и с войной. Не знаю только: нужны ли армии канаты?

– Какая война?

Мэри подумала, не сболтнула ли она лишнего. Она понизила голос, даром что говорили собеседники на скотише⁹.

– На восточных землях Речи Посполитой бунтуют черкесы¹⁰. Ходят слухи, что они просят в подданство русскому государю. Если Алексей Михайлович примет их – будет война с поляками и литвинами.

Дуглас стал её расспрашивать, но узнал немного.

Флора и Цецилия уже успели подружиться и сыграть три партии в шахматы, причём госпожа Дуглас, несмотря на молодость и обманчиво наивный вид, все партии выиграла.

За обедом её муж вернулся к интересному вопросу:

– Мне рассказывали, что император Алексей очень огорчился из-за трагической смерти нашего короля, послал письмо с соболезнованиями королеве Генриетте и оказал кредит их сыну. Я даже растрогался, когда слушал этот рассказ: варвар, а повёл себя куда благороднее многих цивилизованных политиков. Не может быть, чтобы такой прекрасный монарх поддерживал бунтовщиков, восставших против другого монарха.

Флора заявила, что о войне болтают уже несколько лет, Цецилия спросила, что за история была с господином Хмельницким и какой-то дамой – «мне говорили, очень печальная», а Мэри задумалась, точно ли купец их гость, или шпион, притворяющийся купцом?

Господин Матвеев – родственник главы Посольского приказа, полковник русского войска, человек, видимо, сопричастный тайнам государства. В свете этих обстоятельств его подозрительность хотя и обидна для неё, но вполне понятна. Что может быть банальнее: подослать к мужчине женщину, которая станет выведывать у него секреты? Она знает про себя, что она не такая, но он-то не знает. И если она подозревает господина Дугласа, то Матвеев тем более имеет основания подозревать её. Молодая женщина окончательно решила простить Артамона Сергеевича.

– И вот ещё, – вещала Флора, – Его величество царь велел закупить в Швеции двадцать тысяч мушкетов. Её величество королева Кристина очень удивилась такому размаху. Она дала согласие, но сказала, что продавать будет партиями, а не сразу всё.

– Боже, – только и смогла вымолвить Мэри. – Матушка, как Вы можете узнавать такие подробности, не выходя из дома?

– Наш новый слуга Тимофей громко рассказывал всё это Иоганну, Кларе и Дарье, пока складывал доски для починки сарая. Ссылался при этом на слугу дворянина, ездившего в Швецию.

Гости хохотали.

---

⁹ Шотландский диалект английского языка.

¹⁰ Здесь: украинские казаки. Термин того времени.

– В России всё секрет и ничто не тайна!

Вечером неожиданно явилась Джейн Гамильтон. Сухо поздоровавшись с Флорой – женщины не любили друг друга – она утащила дочь для разговора наедине.

– Мэри, капитан Фрид просил твоей руки. Я дала согласие.

– Зря. Возьми его, пожалуйста, обратно.

Джейн опешила.

– Ты серьёзно?

– В высшей степени.

– Но... Я не понимаю. Почему ты отказываешься?

– А почему он хочет на мне жениться?

– Что значит почему? Почему вообще мужчины женятся?

– По самым разным причинам.

– Каждый хочет иметь дом и детей. И капитан Фрид тоже.

– Сколько хочет, только не со мной.

– Мэри, тебе надо выйти замуж!

– Зачем?

– Перестань валять дурака!

– Я совершенно серьёзна. Замужем я уже была, так что старой девой не останусь. Деньги есть. Где жить есть.

– Так положено!

– Кто положил – пусть так и живёт.

– Если ты не выйдешь замуж, то умрешь в одиночестве.

– Человек одиноким приходит в этот мир и одиноким уходит из него. Если же на дороге от рождения до смерти мы хоть раз встречаем родственную душу, дружбу или любовь – то это великое счастье, за которое надо благодарить господа.

– Прекрати свои философствования, ненавижу их! Я говорю о нормальной реальной жизни!

– Могу сказать проще: брак и даже наличие детей не обещает человеку смерти на публике. Сколько замужних женщин или женатых мужчин умирает в одиночестве? Сколько останется вдовами или вдовцами? Сколько остаётся бездетными или переживают своих детей?¹¹ Ты была замужем и у тебя есть ребёнок, но если в роковой для тебя час я заболею или меня не будет в Москве, то ты умрешь в одиночестве или на руках у служанки.

Разумеется, – добавила она более мягким тоном, – я желаю тебе долгой и счастливой жизни, но...

– Замолчи! Капитан Фрид – прекрасный человек, нашей веры, в хорошем возрасте. Он замечательная партия.

– Капитан Фрид – мот. Кроме того, приятель Пауля, и я склонна думать, что он несколько не очарован моими прелестями, а просто хочет отомстить мне. Замужняя женщина – собственность мужа; он сможет издеваться надо мной, бить, а я не смогу ничем ему ответить.

– Это ты не сможешь ответить? Не смей меня.

– Или ещё вариант: он сейчас на мели и зарится на моё приданное.

– Почему ты думаешь о нём так плохо? Всё это твои выдумки.

– Не выдумки: он очень много потерял, давая в долг Паулю. А ты сама говорила, что надо быть осторожной.

– Ты вечно как-то странно истолковываешь мои слова. А мне он нравится!

---

¹¹ Согласно стереотипу наших современников «в прошлом у всех были большие семьи и много детей». Но этот стереотип относительно справедлив для второй половины XIX века; в XVII веке очень многие люди умирали бездетными. Иногда это объяснялось бесплодием, иногда – смертью всех детей в нежном возрасте.

– Дорогая мама! Если он тебе нравится, никто не препятствует тебе выйти за него замуж. А то получается странно: нравится он тебе, а спать с ним должна я.

Джейн была в отчаянии. Имея некоторое представление о характере своего чада, она уже поняла, что дело проиграно. Но всё же предприняла последнюю попытку:

– Я твоя мать! Ты обязана меня слушаться!

– Обязана. Но не послушаюсь. Можешь сходить к приставу и пожаловаться на меня. Пусть меня накажут в соответствии с Уложением. Лучше уж одна порка, чем многие годы с Фридом.

Таковы были нравы эпохи: как в России, так и в других европейских странах, дети, особенно девочки, были обречены терпеть родительский деспотизм до самой смерти родителей или своей; даже совершеннолетие не всегда облегчало их участь. Леди Джейн Грей, отказывавшаяся выйти замуж за выгодного семье кандидата, заботливые родители избили так, что она болела до конца своей недолгой жизни. Король Франции Франциск, столь любимый поэтами и художниками, принуждал свою тринадцатилетнюю племянницу к недостойному, по понятиям той эпохи, поступку; когда она отказалась, Жанну Наваррскую стали пороть и прекратили сие дело не из жалости, а из тех соображений, что если девочка умрёт под розгами, её уже нельзя будет использовать в политических целях. Герой освободительной войны князь Пожарский и его двоюродный брат секли своего взрослого племянника, а когда племянник после неоднократных порок продолжал прежнее поведение – не стеснялись жаловаться на него царю Михаилу Федоровичу.

К счастью, Джейн была более гордым человеком: она не хотела признаваться публично в своей неспособности справиться с дочерью. И посему ушла, разгневанно заявив на прощание:

– Я никогда не разговаривала так со своей матерью!

Мать Джейн умерла, когда дочке было год и два месяца. Малышка ещё едва лопотала. И да, так с матерью не разговаривала.

Глава 11

– Правильно сделала, – одобрила Флора поведение невестки. – Он мот, картёжник и ненадёжный человек. Обычно неопытные молодые женщины в таких влюбляются, а матери и отцы стараются спасти несчастных девиц от коварных обольстителей. У вас же в семье дочь оказалась благоразумнее матери.

– Я уже опытная молодая женщина.

Мэри не претендовала на роль Гипатии Александрийской, но знала за собой способность чутко улавливать настроения знакомых ей людей и их отношение друг к другу, в том числе и к себе. Малейший кивок головы, интонация, взгляд украдкой – из этих кусочков смальты складывалась единая картина; разумеется, она иногда ошибалась, но гораздо чаще оказывалась права. Доверяя себе, она не верила в нежные чувства капитана Фрида, да если бы и поверила – про себя она всё знала точно, а у неё-то не было абсолютно никаких чувств к нему.

Впрочем, на следующий день она навестила капитана Фрида.

– Моя мама хочет устроить наш брак. Мне нелегко идти против матери, поэтому я прошу Вас отказаться от сватовства.

– Весьма опечален Вашими словами, госпожа Гамильтон. Могу поинтересоваться, чем я Вам так не понравился?

– Пусть это будет моей маленькой тайной. У каждого есть свои маленькие тайны, верно? Например, у Вас с господином Паулем общей маленькой тайной является стрельба по иконам вместо галок.

– Вы говорите очень странные слова, моя прелестница.

– Пока я говорю их Вам, а завтра могу сказать кому-нибудь другому. Вас видели. И поскольку Пауль в бегах и опровергнуть слова свидетеля некому, я могу попробовать подкупить его и попросить сказать, что святотатственный выстрел сделали Вы, а не кузен моего покойного мужа.

По выражению лица Фрида молодая женщина поняла, что победила.

«Надо было сразу действовать хитростью, а не спорить с матерью и лезть на рожон.»

Приезд гостей и разговор о неудачном сватовстве сподвигли Флору Краузе на неожиданные действия. Она сочла, что надо утешить невестку, развлечь гостей и самой слегка развлечься.

– Матушка Флора, мы же в трауре!

Флора вздохнула:

– Помнишь, что сказал царь Давид после смерти первого сына от Вирсавии? «Доколе дитя было живо, я постился и плакал, ибо думал: кто знает, не помилует ли меня Господь, и дитя останется живо?»

А теперь оно умерло; зачем же мне поститься?»

Мой бедный муж не воскреснет от того, что ты будешь одеваться в черное, хлопотать по моим делам, выслушивать брачные предложения от недостойных типов и не иметь отдыха и развлечения.

Мой бедный муж не воскреснет от того, что я буду негостеприимна.

Мы устроим небольшой обед, пригласим ближайших друзей, ты поиграешь на клавишине.

Глава 12

Три вещи есть в мире, непонятные для меня, и четвертую я не постигаю: путь орла в небе, змеи на скале, корабля среди моря и путь мужчины к сердцу женщины.

Библия

*«Погибну, – Таня говорит, —
Но гибель от него любезна».*

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»

Клара хлопотала на кухне, Дарья убиралась в комнатах, Мэри объезжала знакомых, заранее запасшись записками на случай их отсутствия. Гретхен и Герман радостно согласились, семья её дяди надолго уехала в поместье, Соломония уже отдохнула и приняла приглашение, Артамона Матвеева не было дома. Мэри спросила, может ли её принять госпожа Матвеева.

Домна Трофимовна посмотрела на гостью как-то странно.

– Ты разве не знаешь?

– О чём?

– Февронья Андреевна здесь давно не живёт. Она в прошлом году оставила мир и ушла в монастырь.

Мэри оставила записку с приглашением и уехала заинтригованная до крайности. Молодая женщина, жена молодого, интересного, явно не бедного мужчины, уходит в монастырь? Почему? Он её бил? Обманывал? Попрекал отсутствием приданного?

Может, он ни на что не способен ночью?

В день приёма Флора Краузе важно восседала в кресле. Одежда на ней была чёрная и простого покроя, но из дорогой ткани, на груди – массивный серебряный крест с тёмными сапфирами, на голове – нарядный чепец.

Мэри облачилась в синее декольтированное платье с кружевной отделкой, Даша уложила её волосы в красивую причёску и украсила фамильной диадемой, в которой Мэри три года назад выходила замуж.

– Ты прямо как Миликтриса Кирбитьевна¹², – сказала весело служанка.

Хозяйка рассмеялась.

Ощущая себя и впрямь сказочной королевой, она вышла в гостиную. Супруги Дуглас были уже там, тоже разряженные в пух и прах.

– Господа Харитоновы! – с преувеличенной торжественностью объявила Даша.

Вошла Соломония Егоровна в русском наряде из дорогого бархата, расшитой бисером кике и множестве драгоценностей. За ней семенил невысокий шупленький мужчинка с длинной каштановой бородой, робко поглядывавший снизу вверх на свою дородную супругу. Разодет он был не менее роскошно.

Флора и её приятельница бросились обниматься; возникли поцелуи, визги, радость – всё, что возникает в подобных случаях. Мэри представила друг другу гостей. В начале любого подобного действия хозяйке приходится прикладывать наибольшие усилия для сближения незнакомых ранее людей и создания приятной атмосферы; в данном случае дело осложнялось тем, что Флора и Соломония целиком занялись друг другом, Цецилия и Роберт не знали русского языка, а господин Харитонов не знал никаких языков, кроме русского; Мэри приходилось быть хозяйкой и переводчиком одновременно.

– Полковник Матвеев!

---

¹² Заморская королева, персонаж старинной сказки.

Гость с порога отвесил церемонный поклон, затем поднял глаза и увидел вырез на платье Мэри. Спасая положение, молодая женщина отошла и встала за креслом Флоры; молодой человек с видимым усилием извлёк глаза из декольте своей визави и подошел к старшей хозяйке с отдельным поклоном и подобающими случаю приветствиями.

– Ты давно у нас не был, – любезно говорила госпожа Краузе.

– Я уезжал по делам, – отвечал Матвеев.

– Не говори только, куда, – сладким тоном посоветовала Мэри. – А то тебя могут услышать шпионы.

Взгляд серых глаз показал ей, что её ехидство оценено.

– Я буду говорить только то, что можно знать даже шпионам.

Взгляд светло-карих глаз показал ему, что его ответ тоже оценён.

Харитонов заметно обрадовался гостю.

– Мы не встречались раньше, но я о тебе слышал.

– Этот господин и его супруга рекомендовали мне обратиться к тебе.

Пришли супруги Бек; Гретхен была ещё более разряжена и ещё более декольтирована, чем Мэри и Цецилия.

Постепенно в гостиной воцарилось оживление. Соломония сообщила, что она тоже уроженка Померании, только той её части, которая сейчас принадлежит Швеции, и они с Цецилией и Гретхен принялись искать общих знакомых. Матвеев и Харитонов тихо шептались о чём-то, не забывая с интересом поглядывать на дам. Роберт делился с Германом и Флорой своими впечатлениями от московской торговли, Мэри сновала между ними и иногда выскакивала на кухню или в столовую. Помогая Кларе и Даше накрывать на стол, задержалась. Вернувшись, обнаружила, что разговоры поутихли и предложила сыграть на клавесине.

– Что хотите? Грустную музыку или весёлую?

– Веселую! – закричали сразу несколько голосов.

Мэри сыграла. Развеселившаяся Цецилия нашла, что мелодия похожа на мелодию вольты – старого танца, которому её научил муж – и потребовала сыграть ещё раз. Мэри никогда не танцевала и даже не видела вольту, но она по указаниям Цецилии и Роберта слегка поправила ритм и начала играть, изредка стараясь поглядывать через плечо на танцующих.

Партнёры встали друг против друга; Роберт поклонился, Цецилия сделала реверанс. Они стали кружиться; Роберт поднял и закружил свою даму. Зрители заахали от восторга и смущения; Мэри очень жалела, что мало видела.

Затем та же пара станцевала бурре.

– Первый танец был неприличный, но красивый, – громким шёпотом сообщил Харитонов жене, – а этот мне совсем не нравится. Мэри мысленно согласилась с этим шёпотом.

Герман стал уговаривать жену станцевать алеманду. Несмотря на набожность, он отлично танцевал и неплохо пел. Гретхен отказывалась, ссылаясь на боль в ноге. В действительности она считала, что плохо танцует, и предавалась этому занятию только в кругу надежных друзей, от которых можно было не ждать насмешек; здесь же было слишком много чужих.

– Я могу потанцевать с Германом, если ты не против, но кто-то должен заменить меня у клавесина.

Гретхен села на место подруги. А Мэри и Герман, то сближаясь, то расходясь, то касаясь друг друга руками, то отводя их в стороны красивыми жестами, повели церемонный и нежный танец. Несколько пар глаз заворочено следили за ними, даже шёпотки прекратились. Когда музыка замерла и танцоры поклонились, Соломония захлопала в ладоши и закричала:

– Bravo!

Её примеру последовали другие.

Харитонов решил не ударить в грязь лицом и подбил супругу исполнить «барыню». Снова Мэри сидела за клавесином и наигрывала мелодию по вдохновению, ибо нот у неё не

было. Соломония лебедем плыла по гостиной, изящно взмахивая платочком, а её муж неожиданно резво плясал впрысядку. Мэри, глянув через плечо, подумала, что чудо рождения Варвары приобретает некоторое объяснение. Пытались приобщить к пляскам Матвеева, но он отказался, объявив себя «никудашним танцором». Дарья и Клара стояли уже в дверях и смотрели на барские развлечения с живым интересом; в какой-то момент Даша бесшумно скользнула в комнату и прошептала несколько слов Флоре Краузе.

– Пора за стол! – объявила хозяйка.

У Мэри создалось впечатление, что гости довольны; сама она была очень рада. После тяжёлых и мрачных событий последнего времени: болезни и смерти свёкра, болезни свекрови, грязных споров из-за наследства – легкое веселье праздника словно очистило её. Наверное, матушка Флора пережила своё горе; время траура закончилось, начинается время света. Хорошо бы.

Гости за столом были рассажены так, чтобы соседи понимали языки друг друга и могли поговорить, но после первого молчания и первого насыщения завязался общий разговор. Начал его Герман довольно бестактным вопросом по-немецки:

– Правда ли то, что говорят о тебе и капитане Фриде?

– А что о нас говорят?

– Что ты выходишь за него замуж.

– Тогда неправда. Я ему отказала.

Гости стали наперебой давать советы. Герман, Гретхен и Роберт говорили, что Мэри надо замуж: нехорошо, что такая молодая красивая женщина одинока; Флора – что Мэри замуж надо бы, но не за Фрида; Соломония завила, что это дело самой Мэри, а затем перевела эти вопросы, ответы и советы на русский язык – для мужа и Матвеева. Последний промолчал, зато господин Харитонов поддержал мнение большинства: быть одной – грех.

– А кто тебе это рассказал? – поинтересовалась Флора.

– Генерал Лесли с супругой. Мы с Гретхен недавно у них были.

– Если говорить точно, – дополнила Гретхен, – он сказал, что Мэри пока отказывается, но скоро согласится. И спел нам – чудовищно спел, надо заметить – какую-то шотландскую песенку про Нору, которая не хотела выходить замуж.

– Не знаю такую, – ответила Мэри.

Зато Дуглас знал. И сначала исполнил на родном языке, а потом перевёл на немецкий историю про девушку, которая твердила, что скорее горы упадут и водопад потечёт вверх, чем она выйдет за графа; но горы недвижны, вода падает вниз, «а что же с Норой молодой? Горянку граф назвал женой».

Гости посмеялись, а Мэри заметила, что её зовут не Нора. Соломония уплетала жаркое и с набитым ртом переводила. Герман, необычно оживлённый, попивал вино и продолжал делиться сведениями, полученными от Лесли:

– Ещё он сказал, что будет новая война за Смоленск.

– И что, он правду говорит? – спросил Дуглас у Матвеева. Через переводчика в лице хозяйки.

– Нет. Сказать можно всё, что угодно, а вот сделать – не всё. Несбыточное это дело – воевать Смоленск¹³.

Герман внезапно обиделся за страну проживания:

– Но это просто глупо! Говорят, что Смоленск – меч, направленный в сердце России. Вам что, свою страну не жалко?

¹³ Подлинные слова А. С. Матвеева, сказанные И. Е. Выговскому.

– Жалко, – согласился Матвеев. – И про меч правильно сказано. Но Речь Посполитая намного сильнее нас, и нам с ней бороться – всё равно что кошке волка есть. Вы такое когда-нибудь видели? Я – нет.

Мэри дала Соломонии отдохнуть и сама перевела этот ответ для Дугласа.

– Но эти, как их, повстанцы Хмельницкого, успешно воюют против могучей польской армии уже несколько лет!

«Вот уж кого я бы точно на месте Матвеева посчитала шпионом, даром что он кальвинист.»

– Воюют, но они уже измотаны и разорены этой войной.

– Это точно?

– Сам видел. Я был на Украине.

Дальнейшую шпионскую деятельность Роберта безжалостно пресекла его собственная жена: она категорично потребовала рассказать ей, наконец, историю про даму сердца Хмельницкого. Мэри перевела эти слова, остальные гости дружно изумились: а что, была какая-то история?

– Богдан Михайлович, немолодой уже вдовец, влюбился в одну женщину, польку, и она ответила на его чувства. Браку препятствовала разность вер; невесте надо было перейти из католичества в православие, а это потребовало времени. Священник при крещении дал ей имя «Елена» заметив, что она прекрасна, как Елена Троянская; эти слова оказались пророческими. За время перекрещения и подготовки к свадьбе в Елену успел влюбиться один польский дворянин, господин Чаплинский; перед самой свадьбой, когда Хмельницкий вместе со старшим сыном уехал по делам, Чаплинский с друзьями налетел на имение Хмельницкого – хутор, как они там говорят – разорил его, забил до смерти одного из младших сыновей Хмельницкого, а его невесту увёз. Силой или уговорами, но её заставили вернуться в католичество и обвенчаться с Чаплинским. Богдан Михайлович пытался добиться справедливости, но Чаплинский поймал его и посадил в тюрьму по ложному обвинению; спасла несчастного госпожа Елена, которая потребовала у мужа отпустить её бывшего жениха.

Тогда Хмельницкий поехал в Варшаву; но магнаты, которые управляют Польшей, отнеслись к нему с презрением: им было безразлично, прав он или нет, в споре католика и схизматика они были всецело на стороне католика. Король Владислав оказался более справедливым, но сделать ничего не мог – он игрушка в руках богатейших панов. Зато он сказал Хмельницкому: «у тебя на поясе сабля – воспользуйся ею». Тот и воспользовался.

Разумеется, православные казаки уже давно ненавидят магнатов и уже не раз поднимали против них восстания, но нынешнее восстание оказалось самым сильным и у него оказался самый умный вождь.

– Это не интересно. Скажите лучше, что случилось дальше с этой женщиной, Еленой? – с придыханием спросила Гретхен.

– Дальше не совсем понятно. Одна люди говорят, что в какой-то момент Елена попала в плен к казакам и они отвели её к Хмельницкому, другие – что она сама перебежала к казакам и попросила отвести её к бывшему жениху. Точно известно, что она снова приняла православие, и патриарх Паисий обвенчал её с Хмельницким. Они жили вместе очень дружно, с младшими детьми своего мужа Елена поладила, но старший сын, Тимош, мачеху ненавидел. Однажды, когда Хмельницкий был в походе, Елену нашли повешенной на воротах усадьбы её мужа, а рядом висело тело казначея. Тимош Хмельницкий объявил, что застал мачеху с любовником и повесил обоих.

Женщины пришли в ужас, да и мужчинам стало несколько не по себе.

– Мне говорили, впрочем, что Тимош сам приставал к своей мачехе, а когда получил отказ – убил её и оклеветал. Богдан Михайлович был вне себя от горя; он не смог покарать

своего сына, но на глаза к себе его уже не пускал. А про жену сказал, что даже если она ему изменила – он бы её простил.

Слушатели молчали, придавленные жуткой историей, только Мэри переводила для Цецилии и её мужа этот рассказ. Когда закончила, та вскрикнула:

– Какой ужас! Лучше бы я не задавала этот вопрос.

– Вот что бывает, когда добрая католичка путается с кем попало, – ехидно заметила Гретхен.

Кузина её немедленно обиделась: оказалось, что её мать, сестра матери Гретхен, поменяла веру ради мужа-протестанта.

– И они живут счастливо уже много лет.

Мэри перевела этот ответ и добавила по-русски:

– Думаю, не в религии тут дело: всё сложнее. Антоний и Клеопатра были язычниками, Пирам и Тисба, кажется, тоже, Ромео и Джульетта – оба католики; но так уж, наверное, повелось с незапамятных времён, что Эрос и Танатос ходят рядом, и сильные страсти вызывают к жизни тёмные силы.

– А что такое Эрос и Танатос? – поинтересовался господин Харитонов.

– Это такие понятия – как добро и зло, благочестие и ересь. Эрос – это всё, что связано с любовью, а Танатос – со смертью. Может быть, правда, я не совсем правильно это понимаю.

– У Мэри есть склонность к философским рассуждениям, – заметила Флора, – а у тебя, господин, склонность к страшным историям.

– Сами просили, – ожидаемо ответил Матвеев.

– А я думаю, что дело проще, – высказал свою версию Харитонов, – прежде чем что-то выбрать, особенно важное, надо подумать, но если уж выбрал путь – то с него не сворачивать. Раз уж эта девица нашла себе жениха и поменяла веру – надо было того и держаться, а не мотаться туда-сюда.

Мэри понравилось это грубоватое, но дельное замечание. Похоже, муж Соломонии был хотя и невзрачен, но не глуп; да и стал бы умный боярин Морозов выбирать себе в прихвостни дурня?

– Верно, – согласился Матвеев. И добавил, глядя на Мэри, – помнишь свой рассказ про короля, который несколько раз перекрещивался? Его ведь тоже убили.

Флора резонно заметила, что есть множество прекрасных людей, которые веру не меняли и никого не предавали, но были убиты – иногда даже теми, кого они защищали.

Гретхен же вступилась за честь госпожи Чаплинской-Хмельницкой. Она заявила, что женщина – существо слабое, зависящее от мужчины, и не может распоряжаться своей судьбой так же свободно, как мужчина. Все несчастья этой дамы случались во время отсутствия её мужа; надо было гетману во время поездок брать Елену с собой, тогда никто не смог бы её похитить или убить.

– И на войну её с собой брать? – усомнился Матвеев.

Присутствующие пришли в сильнейшее возбуждение и галдели на трёх языках разом, перебивая друг друга. Дуглас всё пытался прочитать сонет Шекспира – разве может британец прожить целый день и не помянуть Шекспира!

*«Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена».*

Усилия его пропали втуне, так как английский язык понимала кроме него самого только Мэри, а она думала о другом. История страшная, она должна отталкивать, но вместо этого

завораживает. Наверное, что-то подобное чувствует мотылёк, летя на пламя, что-то похожее чувствовал Икар, летя на Солнце и чувствуя, как плавятся его крылья. Милая, ты пьяна?

По окончании трапезы Флора Краузе на правах старой, больной женщины распрощалась с гостями и ушла к себе. Гости тоже стали расходиться.

– Мы рады были тебя видеть, – говорила Мэри, целуя на прощание Соломонию Егоровну.

– А я-то как рада! Я в глуши совсем отвыкла от светской жизни!

– А ты доволен, господин?

– К собственному удивлению – да! Поехал нехотя, только чтобы Соломония Егоровна не бранилась, а получилось очень приятно.

Соломония за спиной мужа сделала страшные глаза.

– Его невозможно научить приличиям, – сказала она по-немецки.

– Ладно, нормальный честный ответ, – смеялась Мэри.

– Ты нас очень выручила, – благодарили её Герман и Гретхен.

– Это к госпоже Флоре, она хозяйка дома. И нам ваши милые родственники понравились.

Когда Мэри пошла провожать Матвеева, Цецилия и Дуглас с явным облегчением удалились в свою комнату.

Они даже не дошли до сеней, когда Матвеев схватил её в объятия и стал жадно целовать.

– Я скучал по тебе, – шептал он.

Молодая женщина не только не сопротивлялась – она вцепилась в его плечи и отчаянным усилием воли удерживала себя от того, чтобы не сделать что-нибудь немислимое, непристойное, недопустимое для порядочной женщины – и всё-таки сделала.

– Нас увидят слуги, – прошептала она, – пойдём ко мне в комнату.

Синий шелк платья заструился по сундуку; через секунду лиловое сукно кафтана упало рядом.

Глава 13

«Выйдет замуж, познает блаженство...»

Кто это говорил и про кого? Она услышала эту фразу в далёком детстве и по детской невинности не поняла – потому и запомнила. А потом выросла, вышла замуж, похоронила мужа, долго вдовела – и познала. Не «довольно приятно и потом крепко спится», как она описывала незамужней тогда ещё Гретхен свои первые брачные впечатления, а действительно – блаженство.

Огонёк единственной свечи создавал в комнате причудливую игру света и тени, и когда молодая женщина снова обрела способность видеть, собственная спальня показалась ей сказочным чертогом. Всё её существо было исполнено спокойного счастья; она повернула голову и посмотрела на своего обольстителя. Глаза его были закрыты, ресницы отбрасывали длинные тени; Мэри потянулась и прикоснулась губами к его скуле.

– Спасибо, – сказала она.

Ресницы медленно поднялись.

– За что?

– За наслаждение.

Любовник приподнялся на локте.

– Ты серьёзно? Как давно я не спал с бабой, которой это нравится.

Он поцеловал её, вылез из кровати, набросил на голое тело кафтан и вышел. Мэри усмехнулась: понятно, куда может выйти человек после сытной еды и обильных возлияний. Сама она воспользовалась горшком и затем забралась обратно под одеяло.

Любовник вернулся и вскоре залез туда же, осторожно прижав её к себе.

– Артамон, – осторожно позвала она. – А тебе мои ласки понравились?

Мужчина не то всхлипнул, не то хрюкнул.

– Я доволен. Спи.

После чего уткнулся носом ей в плечо и заснул сам.

Мэри ещё лежала некоторое время как зачарованная, подумала, стоит ли гасить свечу и решила – не стоит. Догорит – сама погаснет¹⁴. И отплыла в страну снов.

Утром он проснулся первым и стал одеваться. Она тоже встала, завернулась в халат, наскоро сунула ноги в туфли и спрятала волосы под чепец. Вернётся – приведёт комнату в порядок и оденется как следует.

– Тебя покормить?

– Нет, дома поем.

Он сам взнуздal коня и перед тем, как вскочить в седло, поцеловал её в губы. Она сама открыла ворота и выпустила его на улицу. Всё это молодые люди проделали тихо и слаженно, словно злоумышленники. Начинался ясный летний день, светлый, как праздник, и прекрасный, как жизнь.

---

¹⁴ На самом деле – весьма легкомысленный поступок. Большинство домов в то время были деревянными и легко загорались.

Глава 14

Она убрала комнату, повесила нарядное платье в шкаф и одела будничное, черное. А потом упала на колени перед распятым и стала молиться, присовокупляя к обычным ежедневным словам слова о прощении. И сама понимала, что лицемерит, что нет в ней ни стыда, ни раскаяния, а есть только радость. Инстинкт более древний, чем все религии мира, твердил ей, что произошедшее – не грех и не зло, а таинство природы.

– Мэри, у тебя глаза сияют. Ты влюбилась?

– Нет, – ответила Мэри, снова поражаясь уму такой наивной на вид Цецилии.

– Мы пойдём сегодня к этому купцу, как его... – это Дуглас.

– Соловому.

– Да. Может, у него есть нужные мне канаты.

– Пойдём, если Вам надо.

«Будем надеяться, она не подумает, что я влюблена в её мужа.»

– Цецилия, а ты хочешь с нами пойти?

– Нет.

Дуглас был очень доволен, так как наконец купил то, что искал; по возвращении он немедленно пошёл к жене хвастаться. Мэри, Флора и Клара обсудили обед; когда Клара отправилась на кухню, госпожа Краузе-старшая неожиданно сказала младшей:

– Ты сделала глупость.

– О чём Вы?

– Мужчины долго помнят тех женщин, которые им отказывают, и очень быстро забывают тех, которые соглашаются. Ты могла довести его до венца, но всё утратила.

Мэри поняла и покраснела. Она села рядом со свекровью.

– Пусть будет что будет. Но...

Ей не было стыдно утром, но стало неловко сейчас. Она мать её покойного мужа.

– ...но мне неловко, что Вы узнали. Я любила Антона, я была ему верна, и если бы он был жив, не смотрела бы в сторону других мужчин.

Она замолчала.

– Продолжай. Но Антон умер, а ты жива. Ты это хотела сказать?

Мэри кивнула, не поднимая глаз.

Её свекровь вздохнула.

– Ты заботилась обо мне, как Руфь о Ноэмини, но Ноэминь согласилась на замужество Руфи – и я должна. Он тебе нравится, я же вижу. Кроме того, я могу умереть в любой день, а твоя мать отчасти права: молодой женщине просто опасно жить в одиночестве.

– Уже ничего не исправить, матушка.

Вечером она ещё раз подумала и поняла, что ни о чём не жалеет.

Глава 15

Кауряя кобыла Лушка родила жеребёнка. Черненький и мокренький, он нетвёрдо стоял на тоненьких ножках, а мать его облизывала. Иоганн, любивший животных, сидел на корточках и умилялся, Мэри, Дарья и Клара сгрудились в дверях конюшни и тоже умилялись.

Тимофей осторожно потянул младшую хозяйку за рукав.

– Там того, какой-то мужчина пришёл.

После скандального визита Пауля и едва не случившегося увольнения Тимофей стал страшно осторожен и пускал кого бы то ни было только после разрешения от Мэри.

Визитёр оказался высоким брюнетом с тёмными глазами навывкате, одетым в лиловый стрелецкий кафтан.

– Я рада тебя видеть, господин, но мы не знакомы.

– Я пятидесятник¹⁵ Кирилл Полиектович Нарышкин! Мне нужна госпожа Краузе.

– Старшая или младшая?

– Старшая. А ты младшая, как я понимаю?

– Правильно понимаешь.

Господин Нарышкин уставился на неё с живейшим интересом. В другую минуту Мэри могла бы обидеться на столь бесцеремонное разглядывание, но сейчас, пребывая в прекраснейшем расположении духа, одарила его улыбкой. Этой улыбкой она нечаянно для себя приобрела друга и союзника.

– Что это? – спросил Нарышкин про столпотворенье в дверях конюшни.

Мэри объяснила. Заинтересованный офицер нахально, но любезно протиснулся между женщинами и пошёл смотреть. Даже под хвост умудрился заглянуть.

– Хорошая кобылка! Люблю лошадей, но на дорогих денег нет, приходится обходиться невзрачными деревенскими конягами.

– Лушка тоже не аргамак. Но резвая и послушная.

Господин Нарышкин охотно порассуждал бы ещё о лошадях, но Мэри уже представляла его свекрови.

– Нужно моё присутствие или лучше вам побеседовать без меня?

– Лучше без тебя, – ответил Кирилл Полиектович прежде, чем Флора успела даже рот открыть.

Прыткий какой, подумала Мэри, удаляясь. И ещё подумала о том, что в военной форме не разбирается совсем, но где-то слышала, что каждый полк московских стрельцов носит кафтаны определённого цвета. И ещё она уже слышала имя Кирилла Нарышкина.

– Ты останешься на обед, Кирилл Полиектович?

– Нет, прости. Твоя свекровь просила меня прийти в воскресенье – можно я приду к обеду и приведу жену? Она никогда не была в немецком доме.

Мэри слегка опешила, но согласилась.

– Знаешь, зачем приходил этот господин Нарышкин?

– Если Вы скажете – буду знать.

– Он просил у меня твоей руки, – вздохнула Флора, – для своего друга и начальника господина Матвеева. Поскольку соглашаться сразу было бы неприлично и неразумно, я попросила его прийти в воскресенье.

– Спасибо, матушка. Мне надо подумать.

Флора удивлённо подняла брови:

---

¹⁵ Офицерский чин в стрелецком войске.

- Я полагала, что если ты согласилась стать его любовницей, то тем более согласишься стать его женой.
- Нет, матушка. Любовница легко может уйти, а жена – нет. Это дело ответственное.
- Тогда у тебя есть время до воскресенья.

Глава 16

Господи, подумала Мэри, неужели всегда так будет? Просто не верится.

– Ну, как? – спросил её любовник, явно набиваясь на комплимент.

– Ты меня взял, словно вражескую крепость.

Он рассмеялся.

– А ты мне всю спину расцарапала.

И повернулся спиной, показывая царапины. Кое-где даже кровь выступила. Мэри стала осторожно зализывать её, иногда прерываясь и целуя тёплую кожу.

– Кошка немецкая. И мяукаешь по-кошачьи.

– Тогда уж кошка шотландская. И когда это я мяукаю?

– Когда-когда: подо мной. «Мя, мя».

– Правда?

– Сама не слышишь?

– Нет, – смущенно призналась женщина. – Я в этот момент ничего не слышу и не вижу.

Только чувствую счастье.

Артамон осторожно повернулся к ней лицом, взял за подбородок, посмотрел в глаза и, кажется, поверил. Его возлюбленная залилась краской.

Накануне она написала и со слугой переслала записку: господин, нам надо обсудить некоторые условия предполагаемого брака; если ты хочешь, можем это сделать через твоего свата и госпожу Краузе, если хочешь – приезжай сам, мы уже взрослые люди. Он приехал сам; теперь свет серого облачного дня освещал не совсем дневной вид в спальне. Все условия чего бы то ни было были забыты.

– У тебя есть что-нибудь выпить? Не в смысле вина или водки, а в смысле хотя бы воды или кваса какого. В горле пересохло.

Она надела халат и отправилась на кухню, вернувшись вскоре с подносом, на котором стояли кувшинчики с водой, квасом, два серебряных стаканчика и блюдце с печеньем. За это время Артамон успел одеть рубашку и устроиться на стуле, оглядывая комнату.

– Надо было закрыть его платком или ещё чем, – указал он на распятыё.

– Хорошо, – покорно согласилась она и закрыла лицо Христа. Дальше оба пили квас, грызли печенье и наконец-то вспомнили про условия.

– Ты собираешься меня бить?

– А ты хочешь, чтобы я сломал плётку?

Мэри не поняла.

– Так принято: на свадьбе жениху вручается плётка, как символ его власти. Он может прямо сразу проявить её, ударив невесту, спрятать за пояс или сломать. Последнее означает отказ от права бить жену. Сейчас чадолюбивые родители всё чаще ставят условием брака избавление их дочери от супружеских побоев, а зятья всё чаще соглашаются. Есть и такие благородные женихи, которые проявляют миролюбие и без просьб.

– Да, ты всё правильно понял.

– Ты будешь мне изменять?

– Пока не собираюсь, – ответила молодая женщина, не совсем понимая, к чему это.

– Если застану тебя с любовником – за себя не ручаюсь, а так – согласен.

– Хорошо. Только если будешь меня подозревать в измене – убедись точно. А то сплетники могут выдумать что угодно, а легковёрные люди им верят.

В детстве она стала свидетельницей гнусной истории: отвергнутый поклонник сказал родителям девушки, что она с ним спала. Отец избивал несчастную несколько дней подряд, прерываясь только на сон и еду, а потом выдал замуж за своего приказчика. В первую ночь

обнаружилось, что девица невинна; родители потом стояли перед ней на коленях и просили прощения за то, что дали дорогой дочери столь неудачного мужа. Муж, кстати сказать, оказался очень даже неплохим человеком и обращался с ней куда лучше, чем отец.

– Мама, – спросила она тогда, – а почему родители сразу поверили оговору и даже не заглянули ей под юбку?

Мать ответила, что её вопросы неприличны и стыдливая девочка вообще не должна о таком знать. Позже Мэри сама поняла, что некоторые родители готовы поверить кому угодно, но только не собственному ребёнку, особенно дочери. А некоторые, напротив, свято верят собственному ребёнку, особенно сыну, даже если его лживость очевидна.

– Я не легковерен.

– Хорошо. Тогда второе: за мной в приданое дали сто двадцать рублей серебром и остатки фамильных драгоценностей. Деньги мой свёкор вложил в свою фабрику. Сейчас я могу попросить матушку Флору занять денег и вернуть эту сумму, либо мы будем ежегодно забирать часть прибыли в счёт моей доли.

Матвеев уточнил, сколько прибыли приносит фабрика и есть ли у них накопления, после чего неожиданно решил:

– Разбирайтесь сами: меня и то, и то устроит.

– Третье: у матушки Флоры нет никого из близких, кроме меня. Я прошу у тебя разрешения продолжать о ней заботиться и после нашей свадьбы.

Он даже удивился:

– Разумеется. Можешь, в крайнем случае, и ко мне её перевезти.

Благородный человек, подумала она.

– Тогда у меня всё. А у тебя?

Он вздохнул, выпил ещё кваса и устроился поудобнее.

– Первое: ты должна принять мою веру.

Мэри молча кивнула: у неё не было другого выбора¹⁶.

– Второе: ты обиделась на мои слова о шпионах, но я действительно знаю иногда такое, что шпионам может быть интересно.

– Я потом подумала об этом и поняла тебя.

– Поэтому прошу тебя соблюдать осторожность и лишнего не болтать.

– Постараюсь.

– Кроме того, у меня много всяких дел и меня часто посылают... – он усмехнулся, – это звучит двусмысленно, но меня действительно могут отправить в любой день и час в какую-нибудь Тмутаракань, и я даже не успею домой заехать. Или придётся остаться на ночь во дворце. Постарайся смириться с этим.

– Хорошо.

– Ну и последнее. Я был женат девять лет, а детей не было. Жена считала, что это её вина, но могла быть и моя. У тебя были дети?

– Нет. Но мы с Антоном прожили всего семь месяцев. Возможно, просто не успели. И я не знаю, можно ли тут говорить о вине. Пусть будет так, как решит господь.

Он перекрестился, она тоже.

– Тогда всё?

Она кивнула, подошла к возлюбленному; обняв его одной рукой за шею, другой погладила по голове. Артамон крепко схватил её руками и уткнулся лицом ей в живот.

---

¹⁶ В России до XVIII века браки между православными и последователями других ветвей христианства допускались лишь в совершенно исключительных случаях (дочь Ивана III Елена и король Польши, племянница Ивана Грозного Мария и принц Магнус); в то же время «отпадение от православия» считалось тяжким преступлением. Таким образом, брак с «инославным», вне зависимости от пола последнего, становился возможен лишь после принятия им православия.

– Ещё, ещё, – попросил он. Любовница очень удивилась такому отклику на простенькую ласку, но стала послушно гладить короткие тёмно-русые волосы.

Глава 17

– Хорошо, что вы это всё обсудили. Надо было ещё выяснить финансовые обстоятельства жениха.

– Матушка, я видела его дом. Мы обе видели, как он одевается. Наконец, Вы помните, сколько мы заплатили за подачу челобитной. Десять таких прошений в год – и можно долго жить с комфортом. Меня гораздо больше волнует необходимость менять веру. Вы знаете, что я не очень набожна – но это вера моих предков. Почему не могут люди уважать религию друг друга?

– Ты у меня спрашиваешь? Я никогда не понимала фанатиков. Когда один человек убивает другого из-за выгоды, ревности или мести – это плохо, это жестоко, но хотя бы понятно. Но как можно резать ближнего своего только из-за того, что ближний по-другому молится? Между тем у нас в Германии дураки тридцать лет убивали друг друга из-за Папы и Лютера, хотя ни Папы, ни Лютера почти никто из них не видел. На Украине, куда недавно ездил твой жених, люди, ходящие в храмы со статуями, долго преследовали людей, ходящих в храмы с иконами, и добились в результате того, что поклонники икон стали убивать поклонников статуй. Здесь, в России, дураки только что ножами не режут друг друга из-за вопроса колоссальной важности: два немых пальца поднимать во время молитвы или три. Лучше бы мыли их почаще.

Мэри улыбнулась:

– Для Вас, как для владелицы мыльной фабрики, это несомненно было бы лучше.

Флора тоже улыбнулась:

– Это да, но я сейчас не о своих прибылях, а о другом. Бог, который создал солнечный свет и звёздное небо, леса и людей, всю эту красоту и весь этот ужас, которые нас окружают – неужели ему есть дело до двух или трёх пальцев, до Лютера или Папы? Если бог всемогущ, добр и мудр – он будет судить нас за наши дела, чувства, мысли, а не за иконы и статуи. Если же богу язык, на котором ему молятся, или форма предметов, которыми украшает его храмы, важнее, чем добрые или злые дела, важнее любви и ненависти – то этому богу и молиться-то не стоит. Ни на каком языке.

Она перекрестилась:

– Прости меня, боже! Я верю, что ты не такой.

Цецилия и Роберт уехали из Москвы в субботу. Накануне соплеменник сказал Мэри, что купил «почти всё почти для всех».

– Я же не только делами тестя занимался – мне сразу несколько его знакомых надавали разных поручений.

– Так вот почему у Вас был такой странный набор дел и покупок! Я уж начала подозревать, что Вы шпион, который только притворяется купцом.

– Нет, я теперь торговец, – он вздохнул, – но отчасти и шпион тоже. Тесть и его знакомые очень хотят знать, будет ли война, чтобы не попасть впросак и не потерять в неловкий момент свои товары, а может, и шкуру. Во время прискорбных событий у нас в Британии очень многие потеряли и то, и другое.

– Если не секрет – к какому выводу Вы пришли?

– Я пришёл к выводу, что они сами не знают. Помните, что говорил нам тот купец, с канатами?

– Андрей Соловый. Я запомнила, потому что «соловая» – это лошадиная масть, похожая, кстати, на цвет его волос.

– Ну да. Он говорил, что государя одни уговаривают воевать, другие – не воевать, а царь сам не знает, что делать. Мне кажется, что он ближе всех к истине.

– Простой купец?

– Знает же Ваш слуга, человек ещё более простой, про двадцать тысяч мушкетов!

– А это правда?

– Шведские коммерсанты мне сказали, что да.

Сказать об этом Артамону Сергеевичу или нет? Сначала Мэри решила не говорить: он сам видел Дугласа, слышал его вопросы, пусть и действует – но потом всё-таки рассказала.

Вечером, после ласк.

– Купцы всегда всё вынюхивают, ничего удивительного. Пожалуй, хорошо, что он пришёл к такому выводу.

«Значит, это неправда, или не совсем правда», – подумала Мэри.

– Но вот что мне интересно: насколько болтлив оказался Соловый?

Поскольку Мэри была переводчиком, то кое-что запомнила; но поскольку беседа Дугласа с Соловым мало её волновала, то далеко не всё. Любовник расспрашивал её так долго и подробно, что молодая женщина начала протестовать.

– Не капризничай, у меня тут свой интерес. Если Соловый будет действовать против меня, я скажу, что он выбалтывает тайны иностранцам, и приведу пример. Не только у тебя есть недруги.

Глава 18

Анна Леонтьевна Нарышкина оказалась круглолицей улыбчивой дамой, которая держалась с природной деликатностью. Пока Флора беседовала с господином Нарышкиным, Мэри показывала ей дом и отвечала на вопросы: Анна Леонтьевна про иностранную жизнь не знала почти ничего.

– Как же вы живете без церкви? Это даже нехорошо, что вам не разрешают её держать. Мы ругаем ляхов, что они преследуют православную веру, а сами так же преследуем католиков.

– Не совсем. Черкесы живут на своей земле, и то, что им запрещают их религию – несправедливо и ужасно. Католики же приезжают в Россию и должны уважать русские порядки.

– Ну... я бы разрешила.

– Спасибо, Анна Леонтьевна. Мне приятно, что ты это сказала.

Потом все четверо сели за стол.

Оба супруга происходили из небогатых семей тарусских помещиков и некоторое время назад сбежали вместе в Москву, где поженились без разрешения родителей.

– Но потом родители нас простили, и моя мама говорит, что я себе нашла лучшего мужа, чем она сама мне нашла, – рассказывала Анна.

– Аннушка вечно меня хвалит, – заметил её супруг с блаженной улыбкой.

– Лучше хвалить, чем ругать, – высказалась Флора. – А дети у вас есть?

– Есть. Девочка, Наташа. Ей скоро два годика будет.

– Какое красивое имя!

Затем Кирилл Полиектович дополнил рассказ жены: им было страшно уезжать в неизвестность, в таинственную столицу, но свет не без добрых людей: на постоялом дворе влюблённые познакомились с Матвеевым, который взял Кирилла на службу в свой стрелецкий полк.

– К нему там относились с недоверием, особенно возрастными стрельцами. Он мне так и сказал: «Кирилл Полиектович, мне здесь нужен свой человек». А когда я обжился, то и брата своего пристроил.

– Он добрый человек, – серьёзно сказала Анна Леонтьевна, – но с первой женой ему не повезло. Я надеюсь, что ты его будешь любить.

Мэри покраснела. Ей очень хотелось расспросить эту милую Анну про первую жену, но она вдруг решила для себя: не будет. И про его прежнюю жизнь не будет спрашивать, и про свою жизнь с Антоном не будет рассказывать.

Прошлое прошло.

Глава 19

Дядюшка продолжал «обретаться в нетях», то есть занимался хозяйством в своём поместье, но молодая женщина знала, в какую церковь он ходит, и обратилась к его духовнику. Отец Созонт обрадовался: добродушный лентяй и обжора, он никогда не нырял в глубины религиозной мысли, прихожан своих тоже туда не увлекал, но зато очень хорошо знал, что за каждого новообращенного ему будет поощрение от начальства. Племянницу Григория Петровича он встретил приветливо, учил её креститься справа налево, правильно кланяться, указал ей выучить «Символ веры». Мэри послушно ходила к священнику, кланялась, учила «Символ веры», но в силу многолетней привычки то и дело пыталась перекреститься слева направо. Однажды она спросила, в чём суть реформ Никона и почему они вызывают такое сопротивление: отец Созонт объяснил, что в богослужебных книгах, которые либо переписывали от руки, либо печатали за границей, накопилось много ошибок, а патриарх велел навести порядок в делах церкви, исправить ошибки, вернуть троеперстное знамение.

– Понимаю, – задумчиво сказала Мэри, – что-то вроде уборки сделать. Ой, прости, отче – это, наверное, кошунственно.

– Отнюдь! Святейший патриарх сам так сказал: он возьмет веник и выметет сор из храма божьего.

– И почему его за это ругают?

– Потому, что есть такие люди, которым уборка – страх; они хватаются за мусор и кричат, что мусор этот от отцов и дедов остался.

Молодая женщина засмеялась, представив эту картину. А вот поп разговорился:

– Отцов и дедов надо почитать, но надо и головой при этом думать. Хорошую шубу может носить и дед, и потом отец, и потом сын, но если шуба до дыр прохудилась и запачкалась так, что не отчистить – что ж её не починить или не сшить новую? Во время Смуты не до уборки или починки было нам, быть бы живу – но сейчас-то Русь отдохнула, сил набралась, царь наш, дай ему бог здоровья, пойдет спасать православных христиан от злодеев веры нашей – и что, пойдём мы к ним в дырявой шубе, с беспорядком в молитвах, с двумя перстами, когда все православные народы тремя себя осеняют?

И этот о войне.

Между тем стояло жаркое томительное лето. Мэри хотела забрать Дарью с собой, поэтому наняла новую «жиличку» – Глашу, присматривалась к ней и приучала к порядкам дома. Иногда приезжал жених, с угощением или подарком; они раздевали друг друга, наслаждаясь этой игрой, причём если мужчина торопился, то женщина нарочито медленно расстёгивала пуговицы или развязывала пояс, мучая сладостной мукой его и себя, глядя стройное тело любовника сначала поверх одежды, потом под ней.

– Да быстрее же!

Она смеялась и начинала действовать быстрее.

Отдаваясь друг другу и тая от счастья, они играли, как кошка с котом, переходя от нежности к ярости, потом лежали или сидели рядом и шептались о самых неожиданных вещах: Жанне д'Арк или восточных конях, изготовлении мыла или войнах Ивана Грозного, потом снова ласкались и оба были безудержно, безгранично счастливы.

Глава 20

Большие государства ведут себя как бандиты, а маленькие – как проститутки.

О. фон Бисмарк

Мир меняется иногда очень стремительно и очень сильно, но люди часто склонны воспринимать настоящее как нечто существующее вечно и неизменно. Летом 7161 года от сотворенья мира, или же 1653 года от Рождества Христова карта мира и Европы, как его части, сильнейшим образом отличалась от той, что есть сейчас. Не существовало ещё ни единой Германии, ни независимой Болгарии; Италия была не страной, а понятием, которое мало кто воспринимал всерьёз – как сейчас мало кто воспринимает всерьёз понятие «славянский мир». Швеция была не «маленькой уютной страной», а воинственной державой, армии которой ещё недавно перепыхивали Европу и заливали её земли кровью. Слова «маленькая мирная Польша» вызвали бы всеобщий смех: Речь Посполитая, созданная союзом Польши и Великого княжества Литовского, была мощным и агрессивным государством, простиравшемся «от моря до моря», включавшем в себя земли собственно Польши, Белоруссии, Западной России, Украины, Литвы; вассалами Речи Посполитой были мелкие княжества Прибалтики. Швеция и Речь Посполитая соперничали между собой; претензии польских монархов на шведский трон подливали масла в огонь вражды. Россия была не великой державой, а маленькой, жалкой, бедной страной. В начале XVII века само её существование оказалось под угрозой: воспользовавшись внутренним кризисом, Швеция присвоила себе Приладожье, Карелию, Новгород – большой район Северо-Западной Руси; ещё больший кусок русской территории отторгли поляки, Москва была оккупирована, и лишь чудовищным напряжением сил Россия смогла себя защитить.

Однако так уж устроен мир – и это одна из изумительнейших сторон жизни – что сильное может стать слабым, побеждённое – победителем, мощная каменная плита может превратиться в прах, а слабая былинка – вырасти в могучее дерево. Иногда это происходит постепенно, иногда – с дух захватывающей быстротой.

После Тридцатилетней войны Речь Посполитая на какое-то время страшно обогатилась – за счёт вывоза зерна в страны Западной Европы. Однако деньги, вырученные за это зерно, тратились в основном на предметы роскоши; плодородье земли уменьшалось, а восстанавливать его не пытались; развитие ремёсел искусственно тормозилось – паны не хотели, чтобы разбогатевшие горожане могли соперничать с аристократией; стремясь получить побольше зерна, а значит и прибылей, землевладельцы всё больше и больше закабалили крепостных. Истощив собственно польские земли, магнаты стали обращать задумчивые взоры на юго-восток: а юго-восток Речи Посполитой был местом, где руки её православных подданных держали щит между основной частью Польши и ятаганами турок и крымчаков, местом, где простирались тучные нивы и глухие леса. Малороссов, проживавших на этих выгодных землях, сгоняли с земли или вовлекали в кабалу; их грабили и затем смеялись над ограбленными, их изнуряли работой, их называли «хлопами» и «дикарями». им отказывали даже в праве молиться по собственному вкусу. Малороссы роптали и периодически поднимали восстания; но польские и литовские паны, упоенные своим гонором, своими «свободами», своей самоуверенностью, глубоко презирали тех, кто их защищал и кормил. (Сейчас некоторые историки делают вид, что такого не было; но Северин Наливайко или Павлюк могли бы с ними не согласиться.) Наконец, случилось сильнейшее восстание под руководством одного из величайших политиков и полководцев той эпохи – Богдана-Зиновия Хмельницкого – и оно окончательно расшатало Речь Посполитую. Мощнейшая держава Восточной Европы ещё упивалась своим могуществом, но роковые слова

«мене, текел, фарес» уже были начертаны на скрижалях истории – начертаны руками людей, которых шановные паны и за людей-то не считали.

Лето 7161 года от сотворенья мира, или же 1653 года от Рождества Христова, было временем, когда на территории Восточной Европы шла сложнейшая дипломатическая игра, определявшая судьбы мира; каждая из сторон имела в ней свои интересы и вела её по-своему. Интерес России был велик: можно было заключить союз с повстанцами, вернуть себе контроль над землями Древней Руси, отомстить старому врагу – Речи Посполитой; но и риск был велик – слишком сильна была польско-литовская держава и слишком слабы – её противники. Среди «сильных людей», да и «слабых» тоже, не было единства: кто-то боялся повторенья позора Смоленской войны, а в худшем случае – и повторенья польской оккупации; кто-то мечтал о реванше; кто-то руководствовался соображениями, которые нашему современнику даже трудно представить и тем более понять. Россия должна была сделать выбор: быть объектом или субъектом мировой истории, дрожать от страха стать жертвой завоевания или завоёвывать самой, быть проституткой или быть бандитом.

Пока что правительство осторожничало: собирали и обучали войска, в России лили тяжелые пушки, в Голландии закупали лёгкие; нанимали иноземных офицеров; делали порох; в Польшу то и дело ездили посольства, возглавляемые виднейшими боярами и чиновниками; на Украину ездили малозаметные, но умные дьяки; но ещё ничего не было объявлено; правительство, возглавляемое осторожным и умным царём, сохраняло свободу рук. На осень 7162 года от сотворенья мира, или же 1653 года от Рождества Христова, был намечен созыв Земского Собора, который должен был вслух объявить о принятом решении.

Глава 21

10 сентября, когда православная церковь чтит память преподобномученицы Евдокии Римской, Мэри дрожащим голосом отреклась от религии предков и произнесла «Символ веры». Отец Созонт, находясь в отличном расположении духа, в приличествующей случаю речи связал житие этой святой и недавнюю принадлежность молодой женщины к римской религии, а также выразил надежду, что в новой вере она «будет так же тверда, как Евдокия Римляныня». Дядя, а теперь ещё и крёстный отец, Григорий Петрович, прослезился. Крёстная мать, Соломония Егоровна, по дороге из церкви выразила недовольство халтурой отца Созонта:

– Слишком быстро он всё сделал. Когда я должна была принимать православие, мой духовник велел мне провести сорок дней в Подсосенском монастыре. Я там слушала все службы, монахини вели со мной душеполезные беседы, и я глубоко постигла новую религию. Сначала, конечно, тяжело было выносить службы чисто физически, но потом я прониклась. Конечно, в плане красоты и торжественности богослужения православные и католики далеко нас превосходят – я имею в виду, бывших нас, то есть бывших моих единоверцев – лютеран.

В дядином доме был устроен праздничный стол.

– Раньше у нас были две Евдокии – доченька и внученька, теперь будет три, – нежно ворковала тётя.

Мэри слушала все эти разговоры в пол-уха. Её трясло от страха. Ещё вчера она могла отступить; сегодня выбор сделан. И бог покарает её за отступничество.

Вечером она упала на колени перед распятием и начало молиться так горячо, как не молилась уже много лет.

– Боже, прости меня, – шептала она как в бреду, – я же не мусульманство приняла, а осталась христианкой. Ты знаешь: я сделала это только ради любви. Но если ты меня не простишь – приму твой гнев со смирением.

Она заплакала. Она плакала очень редко. За последние три года – два раза: на следующий день после смерти Антона и сейчас.

В том горячечном состоянии, в котором она находилась, возникла даже дикая мысль – а можно ли ей теперь молиться перед распятием? Мэри – Евдокия одёрнула себя: крест – символ всех христиан.

Это здоровое рассуждение придало ей душевных сил. Она легла спать.

И заснула только под утро.

А утром подумала, что дядюшку её господь уже тридцать пять... да, именно тридцать пять лет не карает. Впрочем, мужчинам всегда легче жить.

Глава 22

Артамон Матвеев открыл дверь и поклонился. Глазам его представилась знакомая картина: сухощавый бодрый старик выговаривает двум молодым парням, точнее парню и подростку – Андрею было семнадцать лет, Семену четырнадцать.

– Я вам что сказал? У кого сказал покупать?

– Батюшка, – тоном мученика отвечал Андрей, – не было у него!

– У вас всегда так: то не было, то не получилось, то не хватает.

– Прости, батюшка, виноваты, – пришёл на помощь старшему брату Семён.

Артамон улыбнулся уголками рта: эту формулу придумал он, он же и научил ей брата.

– Не виноватиться надо, а сразу делать правильно, – назидательно ответил Алмаз Иванович. Но браниться временно перестал. Ненадолго.

– Ты почему не кланяешься?

– Я поклонился сразу как вошёл, батюшка.

– «Как вошёл»! Кланяться надо так, чтобы тебя видели. Здесь-то тебе всё с рук сойдёт, а в Кремлёвских палатах – нет. Учи тебя, не учи – всё без толку.

– Прости, батюшка. Виноват.

– Не прощения надо просить, а делать всё вовремя.

Молодой человек подошёл к старику, встал на колени и коснулся лбом пола. В чёрных глазах старика мелькнула искра нежности, но быстро исчезла: Ерофей Иванов, для оберегания от бед прозванный «Алмазом», был сухощав телом и сух характером, а ещё умён, деловит и всегда всем недоволен. Он заправлял делами всемирной важности, но людей, испытывавших к нему хотя бы подобие тёплых чувств, можно было пересчитать по пальцам одной руки; пасынок был одним из этих немногих.

Поприветствовав приёмного отца, Матвеев поднялся и пошёл к братьям. Андрей слегка поклонился, Артамон слегка шевельнулся.

– Как вы кланяетесь, – немедленно начал Иванов, – Андрей, ты старшего брата встречаешь! Поклонись как следует!

Андрей поклонился «как следует»; старший брат ответил легким полупоклоном.

Семён сразу отвесил поясной поклон и улыбнулся; старший брат поклонился не так низко и приобнял младшего.

– Что телячьи нежности разводите! Вы парни или девки сопливые?

– Прости, батюшка. Виноват! – ответили братья одновременно и сами удивились.

– Вы что, над отцом смеяться вздумали?!

– Нет, батюшка! Что ты!

– Случайно так вышло.

– Тоже мне, «случайно»!

В дверях появился слуга и застыл в ожидании. Когда взгляд чёрных глаз хозяина коснулся слуги, тот резво поклонился и начал:

– Обед...

– Ты что стоял полчаса, как болван?! – грозно спросил хозяин. – Кланяться надо сразу, как войдёшь!

– Прости, хозяин, виноват, – ответил слуга господской формулой, переделанной слугами для себя. Алмаз Иванович временно перестал браниться. Ненадолго.

– Почему тарелки лучшие на столе? Почему не бережёте дорогую посуду?

– Хозяйка велела, в честь твоего приезда.

Хозяину было приятно это услышать, но вслух он сказал:

– Тоже мне, событие!

Во время обеда Матвеев отчаянно скучал. Отец всё время ворчал, с Семёном поговорить было невозможно: стоило Алмазу Ивановичу услышать шёпот, как сразу прилетало замечание – а слух у него был острый. Женщин не было: мать семейства, в соответствии со старомосковскими правилами хорошего тона, обедала отдельно, у себя в тереме.

Когда Кирилл и Анна, дети небогатых помещиков, приехали в Москву и жили поначалу, ради экономии денег, в одной комнате, они посчитали глупым есть по отдельности и усаживались за один стол, находя совместные трапезы одной из приятностей брака. Брат Кирилла, Федор, безропотно подчинился уже сложившимся традициям, а Матвеев с удовольствием принимал приглашения в гости «по-семейному». Он сам не понимал, почему ему так приятно присутствие Анны, а сидеть за столом с невестой оказалось ещё приятнее. Интересно, а матушке скучно одной? Или ей так лучше? И будет ли им, четверым мужчинам, приятно её присутствие в столовой палате? Артамон чуть не рассмеялся, представив себе лицо отчима, если он ему такое предложит.

– Эй, ты меня слышишь?

– Прости, батюшка. Задумался.

– Думать тоже надо уметь! Человек при дворе должен думать, слушать и смотреть одновременно. А ты будешь так задумываться – без головы останешься и не заметишь.

Семён фыркнул и уронил несколько крошек на скатерть.

– Ты что скатерть пачкаешь?! Белоручки, дармоеды! Живёте на всём готовом, ничему цены не знаете! Поголодали бы, потрудились бы так, как отец ваш в молодости трудился, по другому бы себя вели! Я в твои годы уже в Персию с товаром ездил!

В действительности в Персию с товаром Алмаз Иванович поехал первый раз в возрасте восемнадцати лет, и не один, а в качестве спутника купца Тихона Солового. В возрасте Семёна он ещё служил мальчиком на побегушках в лавке того же Солового и пределов родной Астрахани не покидал.

После обеда слуги стали убирать со стола, а Алмаз Иванович увёл старшего сына в кабинет.

– Рассказывай, как ты ездил к Хмельницкому.

Чувствуя себя провинившимся школьником, Матвеев стал рассказывать про поездку на Украину. Ещё недавно он очень гордился собой, считая, что по дороге много что вызнал и ничего лишнего не сказал, удачно провёл переговоры и быстро вернулся; но сейчас собственный успех словно померк. Однако Алмаз Иванович замечаний сделал мало, один раз даже кивнул и только один раз сказал:

– Ну, это глупости! Не восхищаться надо, а головой думать!

Это когда Матвеев неосторожно сказал, что восхищается умом Богдана Михайловича.

– Царю доложил?

– На следующий день по приезде.

– Что он спрашивал?

– Верно ли, что казаки за нас; тверды ли они в православной вере; не стоворился ли Хмельницкий, тайком от нас, с крымским ханом или турецким¹⁷ султаном.

– Это надо было в первую очередь спросить.

– Посоветуй это царю, – в глазах Артамона блеснула ирония.

– Нечего над отцом смеяться, – буркнул Алмаз Иванович с едва уловимым одобрением. –

И что ты ответил?

– Большинство казаков за нас, особенно старшина, но многие небогатые ворчат: «мол, сменим польских панов на московских, хрен редьки не слаще». Как на это отвечать – я, признаться, не знаю. В вере тверды. Про сговор: Хмельницкий не раз заключал союз с татарами,

¹⁷ Турецким. Термин того времени.

для военных целей, но подчиняться им и входить в их царство казаки не хотят. Особенно после того, как хан несколько раз брал деньги от поляков и бросал казаков в ответственный момент.

– Глупые ответы, но от тебя умней не дождёшься.

– Почему глупые? – Матвеев в упор посмотрел на отчима. – Что я сказал неправильно?

Подскажи, батюшка.

– Поздно уже подсказывать. Ещё что-нибудь государь говорил?

– Спрашивал, за мир я сам или за войну.

– И? Всё из тебя клещами вытягивать надо.

– Я ответил, что я за войну. Казаки много лет трясут, как грушу, панов; ослабили их, но и сами ослабели. Поскольку сами ослабели, пойдут на тот договор, который нам выгоден. Поскольку они ослабили Польшу – сейчас самый момент напасть на ляхов, вдвоём и одновременно: казаки будут действовать на юге, мы – на смоленских землях. Поодиночке ляхи с нами справятся, а если мы будем вместе – можем и потеснить их. Помнишь, ты мне рассказывал притчу о венике и прутьях?

– Прутьев-то больно мало, – проворчал глава Посольского приказа.

– Поищи ещё, в Европах, – смело предложил ему сын.

– Не учи учёного. Нет у нас других союзников против Польши.

– Ещё государь стал надо мной посмеиваться: мол, дядюшка Никита Иванович ему посоветовал всех сторонников войны на войну и отправить. Пусть те не только языками болтают, но сами потрутся.

– Узнаю боярина Никиту Ивановича. В его духе этакое брякнуть.

– Я ответил, что я офицер и дворянин, воевать – мой прямой долг. И что на войну за святую веру и возвращение русских земель я не только по долгу службы пойду, но и с сердечной радостью.

– Но, но, распетушился! Офицерство твоё – бластное, по милости царя, а не по твоим военным заслугам, дворянству твоему – без году неделя, а войну ты никогда не видел.

– Я сказал то, что думал. Прости, батюшка, виноват.

– Поменьше слюней разводи. Что государь ответил?

– Улыбнулся.

На самом деле царь был очень растроган этой речью и сказал, что он, Матвеев – верный слуга ему, царю, что он понимает горе России, униженной и ограбленной соседями, лучше многих бояр и князей, и что он, царь, ему, Артамошке, всецело доверяет.

– Вот будет он так улыбаться твоим глупостям, потом смеяться начнёт – потеряешь всякое влияние на государя.

– А оно у меня есть? Моё, с позволения сказать, «влияние» – как листок осинового, но я этот листок положил на чашку с надписью «война».

– Какая чашка? Что ты мелешь?

– Я себе так представляю. Есть весы с двумя чашками: «война» и «мир». Все, кого спрашивает царь, кладут своё мнение на одну из чашек. У одного мнение весит мало, как пушинка, у другого – тяжёлое, как пудовая гиря.

– Вечно ты что-то выдумываешь, – проворчал Алмаз Иванович. Но фантазия пасынка ему неожиданно понравилась.

– И какая гиря сейчас самая тяжёлая?

– Никонова.

Глава Посольского приказа досадливо крякнул.

– И где она лежит?

– На чашке войны, разумеется. Батюшка, что с тобой? Никон давно уже подталкивает царя начать войну за веру, называет его «новым Константином», посланцы гетмана у него днюют и ночуют. Это задолго до твоего отъезда началось, ты не можешь не знать.

– Так-то так, да он может взять и перемениться. Никон – самодур и фанатик, он не по разуму действует, а по моче, которая в голову ударила. Сегодня ударила так, завтра – этак.

Пасынок промолчал. Он уважал Никона.

– Никита Иванович, значит, верен себе, а что боярин Морозов? Разомкнул уста?

Аргамон хихикнул:

– Боярину Морозову не до того.

– Как это не до того?

– Он опять жену в измене подозревает. С каким-то английским купцом, не то Бингли, не то Бигсли. Бедная Анна Ильинична получила очередную порку, а Бигсли исчез.

– Как так исчез?

– Так. Трупы не нашли, но и в мире живых его тоже никто с той поры не видел. Утверждают, что Борис Иванович и его приближённые могли бы пролить свет на это темное дело, но они ничего не проливают.

– Тьфу! Я всегда Бориса Ивановича за умного человека держал, а он задурил: у нас на носу Собор, война, а он глупостями занимается.

– Если бы тебе, батюшка, жена изменяла, ты бы это «глупостями» не называл.

– Что?! Да как смеешь даже помыслить такое о своей матери?! Высеку, как сидорову козу!

– Тогда уж как сидорова козла. И я не про матушку, я вообще.

– Я тебе за такое «вообще» задницу отдеру – месяц сидеть не сможешь.

– Батюшка! Не откажи в милости, расскажи про посольство в Польшу.

– Отлично съездили. Мы с князем Репниным, дай ему бог здоровья, изо всех сил делали вид, что хотим мира, а сами вели дело прямо к войне. И надо отдать должное ляхам: они изо всех сил нам в этом деле помогали, прямо из сил выбивались. Мы что разумное предлагаем – они вместо того, чтобы согласиться и договориться с нами, смеются. Мы глупости предлагаем – смеются снова. Мы у них просим – отказывают, и не затем, что жалко, а затем, чтобы отказать. Царский титул уже и не знают, как исказить, только чтобы поиздеваться на москалями¹⁸. Мы им предлагаем посредничество в замиренье с казаками – крик на всю Варшаву: это наши подданные! Вы здесь лишние! А согласись они – вот бы мы попали: мирить бы пришлось.

– Одной бы рукой мирили, для вида, а другой сговаривались бы ударить на них. Но тогда нам было бы стыдно, а так – не будет.

– «Стыдно» или «не стыдно» – это глупости. О благе для государства думать надо. И представь себе: мы уже в кареты садимся, ехать в Москву, а паны вокруг нас стоят и с нами спорят. Теперь у нас есть предлоги для войны.

Матвеев перекрестился, Иванов последовал его примеру.

– Ладно, иди домой.

– Батюшка, у меня к тебе ещё дело. Как ты говоришь, глупости.

– Да?

– Я хочу жениться.

– Ты что, сдурел?! У нас на носу Собор, война, дела государственной важности, а он дурью мается. И думать забудь!

Алмаз Иванович встал и хотел выйти, но его пасынок упал на колени и обнял ноги отчима.

– Батюшка, на коленях молю!

В лице Алмаза Ивановича что-то дрогнуло.

---

¹⁸ В ту эпоху во всех монархических государствах (а таких было абсолютное большинство, республик существовало исключительно мало) искажение или «умаление» титула монарха внутри государства считалось преступлением («оскорблением величества»), а в международных делах – оскорблением всей страны, примерно так же, как сейчас считается оскорблением государства осквернение его флага или герба.

– Ну, ладно, – сказал он с непривычной мягкостью, – понимаю, ты парень молодой, без бабы тяжко. Обещаю, после Собора начну тебе невесту искать. Это ведь тоже дело непростое.

– Батюшка, не надо искать. Я уже сам нашёл.

– Как это сам? Испокон веков родителям детям искали, дети умишками слабыми своими ничего путного не найдут.

– Батюшка, но ведь вы с матушкой по своей воле поженились!

– Нет, ты точно хочешь, чтобы тебя вздули! Мы сиротами горькими были, ни отцов, ни матерей, ни даже дядей с тётями, вот и пришлось самим жениться. А ты не сирота, у тебя мать жива и я – в отца место.

– Ты мне отец родной! Смилуйся!

– Нет, я сказал.

– Батюшка, ты же мне государственное дело доверил, а женитьбу доверить не хочешь. Если я с гетманом Хмельницким могу переговоры проводить, почему с собственной невестой не могу? Если с гетманом что-то пойдет не так, то вся земля русская пострадает, а если с моей невестой – только мне самому будет плохо. Батюшка, смилуйся!

– Хватит! – рявкнул выведенный из себя канцлер. Вырвался и пошёл к себе в покои. Матвеев встал, отряхнулся и поехал домой.

У многих мужчин плоховато с логикой. Алмаз Иванович был в числе этих многих.

Глава 23

*«Девушки от тебя никуда не денутся, – сказал тогда отец, –
Когда-нибудь они все станут твоими.*

*Когда умер отец, вдруг выяснилось, что вокруг нет девушек,
которых хотелось бы любить.»*

А. Е. Русов. «Подобия»

Самое обидное, что дело было уже почти сделано. Получив от невесты записку с сообщением о её крещении, Артамон обернулся вокруг, свидетелей не увидел и умилённо поцеловал листок. На следующий день, с трудом оторвавшись от дел, договорился со священником. Кирилл с невестой и её тетушкой обсудили ритуал свадьбы:

– Тётя её хотела сделать всё торжественно и шумно, как положено, а Евдокия Григорьевна говорит: как попроще, и позовём только самых близких людей.

Он не сразу понял, кто такая Евдокия Григорьевна: в записке Мэри не сообщалось её новое имя. Поняв, умилился ещё раз: он и сам считал, что лучше попроще и только с самыми близкими. Родная душа.

Золотых дел мастер спешно доделывал кольца. Слуги готовились к свадебному ужину. Венчание должно было состояться через два дня. И вдруг: рrrраз!!!

Конечно, надо было поговорить с отцом раньше. Но ведь его в Москве не было!

«У вас всегда так: то не было, то не получилось, то не хватает» – вспомнил он и сначала улыбнулся, а потом сморщился, как от боли.

В то время браки, заключённые даже взрослыми людьми, но без разрешения родителей, могли быть аннулированы по этой веской причине, а новобрачные – подвергнуты наказанию. Уже в XVIII веке, более чем столетие спустя, адмирал Лаперуз был вынужден годами ждать, пока умрёт его отец и он сможет жениться на своей избраннице – бедной девушке из колоний. Уже в XIX веке декабрист Давыдов только после смерти деспотичной матери смог жениться на женщине, от которой у него уже было четверо детей. Обычно защитники «патриархальности» утверждают, что умные родители подбирают «партии» лучше, чем глупые влюблённые дети, но если читать не проповеди «духовных скреп», а хроники реальной жизни, то выбор умных родителей в целом оказывается ничуть не лучше, чем выбор неумных детей. И нередко случалось так, что родители, устроив детям «хорошие партии», потом сожалели о своём решении, а порой и разводили несчастных со своими же избранниками¹⁹. Разумеется, во все века находились люди, способные бороться за себя и за свою любовь; но им было тем тяжелее, чем больше они любили и уважали своих родителей. Любящие и преданные дочери и сыновья всегда страдают от родительских недостатков больше, чем непослушные, которым достаются упитанные тельцы. Эгоизм – это большое счастье, а любовь – нет.

В другое время Матвеев стал бы настойчиво уговаривать своего отца, пусть не «кровного», но уважаемого и любимого, но сейчас он действительно был загружен делами. Из разных концов России прибывали делегации на Земский Собор; чиновники опрашивали дворян и бояр, торговых людей и стрельцов, шла тихая, но активная подготовка к войне, дела его полка нуждались в постоянном контроле, он с трудом освободил себе день для венчания.

В порыве отчаяния молодой человек уже поздно вечером поехал к возлюбленной. Тимофей и Иоганн угодливо бросились к нему, низко поклонились, приняли коня. Мэри указала слугам помалкивать о её брачных планах и для подкрепления наставлений опять раздала по

---

¹⁹ Яркий пример подобной ситуации: уже в XIX веке Маргариту Нарышкину властная мать сначала выдала замуж за Ласунского, потом, убедившись в неудаче этого брака, развела. После развода Маргарита вышла по страстной любви за А. А. Тучкова («Тучкова-Четвертого»).

монетке, но между собой слуги всё знали: и про брачные планы, и про завешание госпожи Флоры – и приветствовали Артамона Сергеевича как будущего мужа хозяйки. Свежеокрещённая Евдокия сидела за вышиванием и болтала с Дарьей и Глафирой. В последние дни она боялась ложиться спать: днём дела отвлекали её внимание, а стоило лечь в постель, как являлись кошмары, порождаемые стыдом и страхом: её терзали, словно Евдокию Римскую, но мученица страдала за веру, а она – за отступничество.

– Когда я выходила замуж первый раз, то хотела сшить красное платье, как большинство русских девушек, но матушка сказала: «красное – цвет шлюх».

– Ерунда, – возмутилась Глаша. – Красное – красивое.

– Ерунда, конечно. Я не стала спорить с ней из-за ерунды и одела белое – как Мария Стюарт.

– А как вы венчались, если у вашей веры людей священника нет? – спросила Даша.

Этот вопрос остался не выясненным, так как Артамон Сергеевич попросил обеих горничных выйти.

Его поразили вид невесты. Молодая женщина похудела и выглядела совсем не радостно, под глазами лежали тёмные круги.

– Что с тобой? – осторожно спросил он. Не обнял, не поцеловал, не обрадовался. Всё это не походило на их предыдущие встречи, и Мэри с обычной своей чуткостью мгновенно насторожилась.

– Всё хорошо. А у тебя?

– У меня плохо. Приехал отец, запрещает мне жениться.

Она испытала ужас и одновременно какое-то мрачное удовлетворенье: так чувствует себя человек, который ждёт несчастья – и вот оно, наконец, случается. Кара за отступничество настигла её, и очень быстро.

– А почему запрещает?

– Не хочет, чтобы я женился по собственному выбору. Он считает, что браки детей должны устраивать родители.

Мэри вздохнула:

– Если бы они со мной познакомились и я им не понравилась, то было бы обидно, но хотя бы понятно. А так я даже не знаю, что делать.

– К сожалению, сделать ты тут ничего не можешь.

– Ты отменяешь свадьбу?

– Нет. Я прошу тебя её отложить. Я уговорю родителей, но потом – за оставшиеся дни просто не успею.

Будь Мэри-Евдокия в другом настроении – она бы согласилась, но в этот миг больше от отчаяния, чем от чего либо другого, резко заявила:

– Нет. Мы поженимся сейчас или не поженимся никогда. Решай сам.

Жених посмотрел на неё растерянно:

– Хорошо.

И вышел.

Глава 24

Он всё-таки попытался на следующий день поговорить с матерью. Поздно вечером, она уже ложиться собиралась.

– Только ты можешь уговорить Алмаза Ивановича.

– Алмаз Иванович баб не слушается.

Сын проигнорировал эту домостроевскую идею.

– Её зовут Евдокия Гамильтон, она красива и умна...

– Иностранка?

– Православная.

– Выкрест, что ли? Ты с ума сошёл. Царь на тебя рассердится. И вообще, неужели русских мало?

– Царь терпит возле себя выкреста генерала Лесли, выкреста князя Черкасского...

– Ты себя-то с князьями не равняй! Помни свой шесток!

– ...потерпит и мою жену, тем более, что она будет дома сидеть – не слышно её и не видно.

– Глупости!

– За ней дают хорошее приданное, а потом она может получить наследство.

Об этом Флора сказала Кириллу, а тот передал другу, с нескрываемой завистью: родители Анны, примирившись с её выбором, дали ей, сколько могли, но могли-то они немного. Конечно, Нарышкин любил жену бескорыстно – но от большого приданного или наследства отказываться бы не стал.

– Мало тебе Февронья принесла добра? Перины, ковры восточные, меха, серебро. И сама такая хорошая девушка: набожная, красивая, хорошо готовила.

Артамон даже несколько растерялся. За девять лет его брака мать ни разу не говорила такого про бывшую невестку; и вдруг, когда на горизонте замаячила новая сноха, узрела у Февроньи Андреевны массу достоинств. Никто не объяснил ему, что это классическое поведение классической свекрови.

– Что мне радости в этом добре? Я и сам не нищий. И что мне в её готовке? У нас повар есть.

– Всё, что у тебя есть – не твоё. Всё, чем ты пользуешься, добыто трудами твоего отца, Алмаза Ивановича, да и моими заботами. Неблагодарный!

– Я с детства при дворе, получаю жалованье и награды.

– Кто тебе устроил придворную службу? Алмаз Иванович. Как устроил? Напомнил, кому надо, о заслугах твоего покойного отца.

– Я знаю всё это и помню, но неужели это значит, что я не могу себе выбрать жену по собственному вкусу?

– А чем тебе Февронья плоха была?

– А тем, что я при ней домой не хотел приходиться, нарочно на службе задерживался. А когда приходил, то ложился к ней, как в ледяную пустыню.

– А к этой немке, – усмехнулась Анастасия Семёновна, – ложишься как в жаркую печку?

Эта усмешка стоила целой поэмы: в ней было всё то презрение и вся та ненависть, которую так называемые нравственные люди испытывают к любви и особенно к любящим женщинам. Здоровая чувственность или пылкая страсть на языке таких нравственных людей называется «слаба на передок» или «заплывшие спермой мозги», а то и куда худшими терминами.

Молодой человек почувствовал, что у него пылают щеки. Не сказав ни единого непристойного слова, его мать умудрилась облить грязью то, что ему самому казалось прекрасным.

– Нет, – вдруг нашёл он нужные слова, – к ней я ложусь, как весной под ласковое солнышко.

Лицо Анастасии Семёновны исказилось.

– Не буду я ни о чём просить Алмаза Ивановича.

– Хорошо, – ответил её сын и пошёл домой отсыпаться.

Глава 25

Она сама надела длинную рубаху и нарядные туфли; остальное сделали Дарья, Глафира и тётя Минодора, чрезвычайно возбуждённая предстоящим – куда больше возбуждённая, чем сама невеста.

Ей причесали и уложили подобающим образом волосы, надели на неё красное платье, украшенное собственноручно сделанной вышивкой, душегрею из золотой парчи, массивное ожерелье, браслеты – запястья – все принадлежности торжественной женской одежды той эпохи. Тётя сама спрятала её волосы под белым платком-убрусом и надела поверх платка вышитую золотыми нитями кикку; Евдокия только поднимала и опускала руки или голову, повинаясь указаниями тётки. Затем женщины стали спорить, красить ей лицо или нет; накрасили. Тётя взяла в руки красный, в цвет платья, полупрозрачный покров и вывела племянницу в гостиную, где ждали дядя, кузен и обе её тёзки. Матушка Флора от участия в церемонии отказалась.

– Прости. Я желаю тебе счастья, но смотреть, как ты выходишь замуж снова, не могу.

Евдокия всё поняла и поцеловала свекровь.

В гостиной она наконец-то собралась с духом и объявила родным:

– Родители жениха в последний момент стали возражать против брака. Возможно, Артамон Сергеевич не приедет и свадьбы не будет. Прошу вас в этом случае молчать о моём позоре.

– Никогда такого не было, чтобы девушку нашего рода бросил жених перед алтарём, – возмутился Григорий Петрович. – Тем более плебей.

– Всё бывает когда-то первый раз.

– Да я его тогда убью!

– И пойдешь в тюрьму, а мы будем плакать. И вообще: вдруг окажется потом, что это господь меня спас от несчастья.

– Мне нравится твой настрой, сестра, – засмеялся Петр Григорьевич. Несколько нервно засмеялся, надо сказать.

Приготовив родных к худшему, на всякий случай, Евдокия затем обратилась к дяде:

– Благословите меня, дядюшка, это в любом случае не помешает.

Дядя послушно взял икону.

– Её мне крестный отец подарил, когда я принимал православие.

Евдокия Гамильтон опустила на колени и приняла благословенье.

– Во имя отца, и сына, и бога – духа святого. Будь счастлива, девочка!

Тётя накрыла её покровом и повела в карету.

В церкви её посадили на лавку возле стены, а рядом – юную племянницу. Новобрачная, в своей нарядной одежде, сидела неподвижная и словно одеревеневшая, и даже не поняла, прошла ли минута или час до появления жениха. Артамон Сергеевич имел обычный свой непроницаемый вид и был облачён в желтый бархатный кафтан с тёмно-красными шнурами. За ним следовали Кирилл Полиектович, Анна Леонтьевна и флегматичный парень, похожий на Кирилла – очевидно, его брат. В отличие от жениха свита его выглядела веселой и оживлённой.

Кирилл пошептался с Минодорой Гавриловной, потом с приятелем; повинаясь их указаниям, Матвеев подошёл к лавке.

– Девушка, уступи мне место.

– Нет, я с тётей хочу сидеть!

– Но это моё место.

– Нет, моё!

– Я тебе рубль дам.

Евдокия Петровна состроила смешную гримаску, сделала вид, что колеблется – и согласилась. Жених сел на её место.

– Дёшево меня продали, – неожиданно для себя самой сказала Евдокия Григорьевна. Ответом ей был дружный хохот.

– Верно, – заметил Кирилл, – самая дешёвая дворовая девка два рубля стоит.

– Сейчас купулаи не тебя, а место возле тебя, – назидательно возразила тётя.

Первоначальное напряжение несколько спало. Повинуясь указаниями Минодоры Гавриловны, жених надел на палец невесте кольцо – золотое, в знак женской красоты. Затем невеста тоже надела на палец жениха кольцо – стальное, в знак мужской силы. Её дядя подал жениху плётку.

– По этой плети ты знала власть отца над дочерью, а теперь будешь знать власть мужа над женой.

На всякий случай она закрыла глаза и напряглась. Из темноты послышался треск ломаемой о колено рукоятки и шепот Анны: «молодец».

Священник уже пришёл; молодые встали в указанном им месте. За ними – дружки: Кирилл Полиектович и Петр Григорьевич.

– Раб божий Артамон, имеешь ли ты намеренье благое и неизменное взять в жены рабу божью Евдокию?

– Имею, честный отче.

– Раба божия Евдокия, имеешь ли ты намеренье благое и неизменное взять в мужья раба божия Артамона?

– Имею, честный отче.

Обряд был совершён. С неё сняли покров и велели поцеловаться с женихом. От прикосновенья милых розовых губ стало чуть легче.

«Рад или злится на меня?» – думала новобрачная, сидя в карете. Матвеев не зря славился при дворе своим умением скрывать мысли и чувства. Даже Евдокия, при всей её наблюдательности, не всегда могла в то время понять его настроение. Ей хотелось обнять возлюбленного, но она не решалась. И мысленно проклинала незнакомых ей новых свёкров: господи, так хорошо всё было ещё совсем недавно!

Высыпавшие во двор слуги низко кланялись и с жадным любопытством смотрели на новую хозяйку. Молодых усадили за стол на лучшие места; расселись и гости. По обычаю, новобрачные ничего не ели и не пили. Участников пира развлекали три скомороха: отец, сын и дочь. В то время власти преследовали людей их профессии, поэтому одного из слуг поставили сторожем: в случае визита незваных гостей он должен был дать сигнал к прекращению запрещенных развлечений. Гости пили за счастье молодых, ели и болтали, мальчик играл на дуде, его отец и сестра плясали и исполняли частушки, а затем – песенку про старика, женившегося на молодой: та кормила незадачливого мужа «лещами по роже» и обманывала «с молодцом хорошим». Это было неприлично, но смешно. Жених пошептался со своей дружкой.

– Она первая должна пойти.

Тогда он пошептался с невестой, а та – с тётей.

– Положено после третьей перемены блюд.

– Тётечка, пожалуйста!

Мягкосердечная Минодора Гавриловна повела племянницу в баню, где было приготовлено брачное ложе, и помогла раздеться и смыть косметику.

– Ты меня так хорошо одела, а теперь всё приходится снимать, – шутила Евдокия, скрывая нервную дрожь.

– Затем и одевала, чтобы снимать, – отвечала тётя. И крепко обняла:

– Не дрожи. Я тоже выходила замуж за иноземца, и ничего со мной страшного не случилось.

Племянница её благодарно поцеловала и легла в постель.

Затем пришли жених и его дружка. Кирилл помогал приятелю раздеваться и отпускал нескромные шуточки, на которые Артамон отвечал столь же нескромно. Новобрачная хихикала. Кирилл взглянул на неё с показной суровостью:

– Девица невинная и понимать такого не должна!

– Ах, я такая невинная и не понимаю ничего, а только всему удивляюсь.

– Ничего, я займусь твоим просвещением.

– Вот! Это мне нравится, – одобрил последнюю фразу Кирилл.

Вышел, закрыл за собой дверь, потом приоткрыл и просунул в щель голову.

– Артамон!

– Да?

– Не посрами русское оружие!

– Не забудь закрыть дверь!

Евдокия хохотала.

– Наконец-то отмучились, – сказал счастливый жених. И, поймав недоумённый взгляд невесты, пояснил:

– Некоторые из моих слуг дружат со слугами родителей. Я боялся, что они узнают, примчатся, устроят скандал и свадьба сорвётся. А сейчас уже всё.

«Ну, они ещё могут ворваться сюда и согнать нас с ложа», подумала новобрачная. Но говорить это не стала, а наклонилась над возлюбленным и начала покрывать его лицо, грудь и живот нежными поцелуями. Тот взял её прекрасные волосы и провёл ими себя по лицу, словно умываясь.

– Моя радость.

Глава 26

Позже им рассказали, что в какой-то момент Минодора Гавриловна и Федор Полиектович поспорили на интересную тему: кто больше выпьет романи. Григорий Петрович, давно знакомый с женой, пытался спасти положение, но не успел: поверженный Федор пал лицом в тарелку, а торжествующая победительница перестала пить и стала петь – про атамана Ермака. Голос у неё был низкий, сильный, красивый – гости слушали с восторгом, не забывая, впрочем, есть и выпивать. Её сын и невестка, изрядно захмелев, пустились в воспоминания о собственной свадьбе и стали целоваться. Скоморохи, поняв, что здесь уже и без них весело, стащили со стола несколько пирогов и сели в углу. К ним присоединилась Евдокия Петровна.

– В ваших частушках я услышала несколько непонятных слов, – сказала она. – Объясните, что значит...

Грубое слово, произнесённое нежным девичьим голоском, прозвучало так необычно, что глава веселого семейства онемел.

– Деточка, – сказал он, обретя через какое-то время дар речи, – может, ты лучше у родителей своих спросишь?

– Они целуются, да и нетрезвые оба. А мне бабушка сказала хмельного не пить.

Пришлось объяснять.

*– ...жил там Ермак с покровы
До зимняво николина дня...*

– Когда мы с поляками сражались под Можайском²⁰, я был ранен в ногу...

– Батюшка, ты уже третий раз начинаешь про это рассказывать...

– Так вы меня уже третий раз перебиваете!

– Есть такая татарская притча. Женился Ходжа Насреддин, будучи вдовцом, на вдове...

– А кто это?

Появление молодых супругов заметили только тогда, когда они уселись за стол²¹.

– Что это вы пришли?

– Боеприпасы кончились, – сообщил Артамон, – надо пополнить силы. В смысле – поесть.

– Что ж ты так плохо запасся?

– Он хорошо запасся, – ответила вместо мужа Евдокия, – но уж больно резво действовал.

Штурмовал со всей яростью!

Кирилл хохотал, новобрачные уплетали пироги, Минодора Гавриловна прервала описание приключений ермаковцев и стала объяснять племяннице, что ей тоже не надо пить хмельного, Евдокия послушно соглашалась, согретая и опьянённая ласками того, кто сидел рядом, сладостно утомлённый. Мальчик снова заиграл на дуде, его отец и сестра запели «величальную», подхваченную гостями. Все участники сочли, что свадьба была скромная, но очень весёлая.

²⁰ В 1618 году под Можайском проходили ожесточённые бои между войсками Речи Посполитой под командованием короля Владислава и гетмана Ходкевича и русскими войсками под командованием князей Д. М. Пожарского, Б. М. Лыкова и Д. М. Черкасского. Бои стали тактической победой польско-литовской армии, но сорвали наступательные планы Владислава и позволили русским подготовиться к обороне Москвы, решившей стратегический исход войны.

²¹ Сейчас подобное поведение кажется диким, но в описываемую эпоху возвращение молодоженов за праздничный стол являлось обычной практикой.

Глава 27

Утром новобрачный уехал на службу, а новобрачная в очередной раз оделась, разыскала Домну Трофимовну и попросила её покормить. Домна Трофимовна представила ей пухленькую веснушчатую девушку:

– Наша горничная Лиза.

– Ой, – сказала Лиза, – госпожа, зачем ты сама оделась? Меня бы позвала.

– В следующий раз.

Затем Евдокия Григорьевна велела заложить карету: ей надо съездить домой... в свой прежний дом. А потом она вернётся, и ты, Домна Трофимовна, всё мне расскажешь и покажешь. Вы, кстати, запомнили, как меня зовут?

– Нет, – смущенно хихикнула Лиза. Запомнить было мудрено: Артамон Сергеевич никому из челяди её имя не сообщил, а в угаре пира гости обращались к новобрачной и по прежнему имени, и по нынешнему – слуги запутались. Евдокия Григорьевна назвала себя.

Сначала она посетила дом матери. Входя, перекрестилась от страха, но пора было, наконец, объясниться.

– Матушка, сядь, пожалуйста.

– Что с тобой? Почему ты в русском платье? – Джейн Гамильтон вдруг охватило мрачное предчувствие.

Её дочь глубоко вздохнула.

– У меня есть две новости. Боюсь, они обе тебя не обрадуют. Во-первых, я поменяла веру. Во-вторых, вышла замуж.

Её мать сидела некоторое время словно оглушенная.

– Никогда никто из всех Ферфилдов не отрекался от своей веры. Мои братья погибли за неё.

Мэри молчала. Ей очень хотелось сказать, что она не её братья. И она даже не Ферфилд. Но за такие слова мать её убьёт. Память братьев была для Джейн священна. Своего покойного мужа она всё время сравнивала с братьями – нетрудно догадаться, в чью пользу.

– Уходи, – медленно сказала Джейн. – Ты мне больше не дочь.

Ей было жаль мать, но где-то внутри пискнуло гаденькое чувство облегчения. Нельзя так. Мама всегда была опорой семьи. Она вырастила её после смерти отца.

– Мне очень жаль. Надеюсь, мы когда-нибудь помиримся.

И вышла.

В её прежнем доме стыд и тяжесть отступили. Флора Краузе обрадовалась и прослезилась одновременно. Слуги бросились к Мэри – Евдокии так, словно страшно без неё соскучились.

Они посидели за столом, прощаясь с прежней жизнью, а затем в карету внесли сундуки с вещами и сели они с Дарьей. И поехали в свой новый дом.

Глава 28

1 октября в Грановитой Палате Кремля было чрезвычайно многолюдно. «Выборные от всех земель», бояре и стольники, дьяки и дворяне заполнили зал; драгоценные меха соседствовали с более скромными суконными кафтанами, над толпой стоял непрерывный гул множества голосов. Последний и главный день работы Земского Собора должен был увенчать всё сделанное ранее. В тот день на страже порядка стояли стрельцы в синих кафтанах – полк Семёна Полтева. Артамон Матвеев поздоровался со знакомыми, а увидев самого Семёна Федоровича, низко ему поклонился.

– А ты что здесь? – спросил полковник Полтев, кланяясь столь же низко.

– Хочу посмотреть, как начнётся. Алмаз Иванович будет от царского имени говорить.

Из дворцовой церкви вошёл в зал и медленно пошёл по направлению к трону высокий, широкоплечий и полный молодой человек с темно-каштановой бородой, одетый в длинные, сказочно роскошные одежды. Гул стал стремительно стихать; казалось, тишина шествует впереди идущего. Все, кроме стражников, склонялись в низких почтительных поклонах. Наконец, воцарилось почти невероятное спокойствие; молодой человек медленно и величаво сел на трон.

Это был Алексей Михайлович, Великий Государь, Царь и Великий Князь всея Руси, Самодержец Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий князь Новгорода, Нисовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Северныя страны Повелитель и Государь, Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкесских и Горских князей и иных многих Восточных и Западных и Северных владений и земель Отчич и Дедич и Наследник, Государь и Обладатель – так звучал в то время его полный титул.

Второму представителю династии Романовых сравнялось двадцать четыре года. По меркам своего времени это был очень красивый молодой человек, отличавшийся величавостью и никогда не ошибавшийся при отправлении разного рода церемоний. Он и сейчас сидел удивительно неподвижно – даже скорее не сидел, а священнодействовал, олицетворяя собой невозмутимую и несокрушимую власть. «Византийский идол», – отзывались о нём иностранцы. «Настоящий государь», – почтительно говорили русские.

«Письмо», обращенное к Собору, читал Алмаз Иванов. Его пронзительный голос ясно звучал под сводами палаты, возвещая «о многих неправдах польского короля», оскорблении титулов покойного государя и его царствующего сына и о челобитье Богдана Хмельницкого и войска Запорожского о принятии их «под государеву высокую руку». Артамон Матвеев смотрел на отчима с сыновней нежностью: то, что озвучено сейчас и будет озвучено в течение дня далее – результат многолетних трудов, усилий, переговоров, интриг самых разных людей, и в том числе этого сухопарого старика с черными глазами и пронзительным голосом. Это старик был одним из тех, кто вершил судьбы страны и мира, оставаясь при этом в тени; бывший купец, даже не дворянин, он делал для величия своей родины больше, чем многие князья и бояре, возводившие свои родословные к доисторическим временам и презиравшие «жалкого дьяка».

Дворяне могут сколько угодно рассуждать о том, что «семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа», а что важного может быть в воспоминаниях какого-нибудь чинуши? Ничего! В действительности же воспоминания иного чиновника, управлявшего делами государства и составлявшего отчёты об их состоянии, куда важнее воспоминаний иного трутня, предававшегося охоте и разврату в заложенном и пере-заложенном поместье, а воспоминания солдата, прошедшего путь от Сталинграда до Праги,

куда важнее мемуаров дворянина, крутящего баранку в Париже и оплакивающего «потерянную Россию».

Выслушав доклад, молодой человек поехал в свой полк.

Всё равно всё было решено заранее.

Сегодня Собор только объявит давно задуманное.

«... и они говорили то ж, что за честь блаженные памяти великого государя царя и великого князя всеа Руси Михаила Фелоровича и за честь сына его государева великого государя царя и великого князя всеа Руси Алексея Михайловича всеа Руси стояти и против литовского короля война весть.

А гетмана Богдана Хмельницкого пожаловал бы великий государь царь и великий князь Алексея Михайловича всеа Руси по их челобитью, велел их принять под свою высокую государеву руку».

Глава 29

Они были женаты восемь дней.

Евдокия пока приноравливалась к дому мужа и больше смотрела, как управляется Домна Трофимовна, чем действовала сама, но уже понемногу входила в роль хозяйки. По вечерам она дожидалась Артамона и они вместе ужинали; было уже обговорено, что если он не является к определённом часу, то она ужинает одна, а там по обстоятельствам: придёт он – покормят, не придёт – лягут спать. Слуги, уже привыкшие к беспорядочному и причудливому режиму жизни хозяина, не удивлялись; но на третий день брака Домна Трофимовна решила объяснить Евдокии, что она должна трапезничать отдельно, у себя в тереме.

– Хорошо, я спрошу Артамона Сергеевича.

– Зачем спрашивать? – оскорблено сказала экономка. – Так отцами и дедами заведено.

Евдокия процитировала мысли отца Созонта относительно соблюдения и изменения традиций, попутно выразив своё с ними согласие. Это был ловкий ход: теперь Домне Трофимовне приходилось спорить не только с хозяйкой-иностранкой, но и некоторым образом с православным священником. Растерявшись, экономка сделала ошибку:

– Февронья Андреевна никогда так не делала!

– Ты сама говорила, что Февронья Андреевна здесь давно не живёт. И у меня к тебе будет просьба: не упоминать при мне это имя без особой необходимости.

Вечером – за совместным ужином, разумеется – Евдокия рассказала об этом мужу.

– Кто здесь главный – экономка?

– Главный – ты. Поэтому я у тебя и спрашиваю.

– Ну, а мне нравится. Так ей и скажи.

Молодая женщина спросила ещё, можно ли ей привезти в свою спальню кровать из старого дома или заказать новую; можно ли заменить шкафчики, можно ли...

– Господи, у меня поважнее дел нет, я должен о шкафчиках думать? Делай что хочешь.

Воспользовавшись покладистостью мужа, Евдокия велела начать в тереме большую уборку; все вещи перетряхивали, вытирали пыль, выбрасывали прохудившееся, вносили новое, выбивали ковры. Обнаружили тараканов; горничная Лиза посоветовала купить для их выведения отраву у знахарки, бестактно добавив при этом, что с оной знахаркой обитатели дома познакомились тогда, когда Февронья Андреевна пыталась лечиться от бесплодия; но она мало того, что никого не родила, так после третьего по счёту отвара «едва сама не родилась наоборот». Евдокия Григорьевна оценила остроумие Лизы, но мягко попросила горничную о том же, о чём просила экономку. За отравой к знахарке тем не менее послали.

Вечером 1 октября Матвеев возбуждённо рассказывал жене о Соборе.

– Величественное, должно быть, было зрелище!

– Ещё бы!

– Но это значит, что будет война?

– Разумеется.

– И ты пойдёшь на неё?

– Это мой долг.

– Да, всё так. И я не буду мешать тебя выполнять твой долг. Но если тебя убьют – мне будет жалко.

Артамон засмеялся. Он был молод, здоров, удачлив в делах и счастлив в любви. Какая ещё смерть? Его молодой влюблённой жене, по правде сказать, тоже в это не очень верилось. Но она уже однажды хоронила мужа и помнила свою растерянность и неспособность понять: вот был человек – и нет его... В порыве чувств Евдокия обвила руками стан возлюбленного

и прижалась к нему. Любовь и Смерть связаны друг с другом, но при этом противоположны; Любовь – это свет, который окружает тьма Смерти.

Глава 30

Матвеев сидел за столом и что-то писал. Он даже не поднял головы, когда Евдокия вошла. Она тихо села на лавку и подивилась: кто же знал, что дела примут такой оборот! Когда она в первый раз вошла в эту комнату, то хотела помочь матушке Флоре и ничего более. Волосы у него отрасли, надо посоветовать подстричь. Господи, и что она в нём нашла?

Хозяин кабинета закончил своё сочинение, поднял голову и явно обрадовался. Молодая женщина улыбнулась:

– Ужин готов. Ты освободился или нам подождать?

– Прикажи подавать на стол.

Улыбаясь, он подошёл к ней и осторожно поцеловал в щечку. Счастливая супруга ответила тем же.

– Артамошка, выгони её. Дело есть.

В дверях стоял сухощавый старик с черными глазами, взиравший на нежную сцену с явным отвращением.

Евдокия взглянула на мужа и увидела, как его лицо меняется на глазах, приобретая невозмутимый и ничего не выражающий вид. В глазах мелькнули и тут же исчезли искорки страха, смущения и растерянности. Молодая женщина поняла, кто стоит в дверях, и тоже напряглась.

– Мне уйти? – чуть слышно спросила она.

– Да.

Чтобы выйти в дверь, ей пришлось пройти мимо старика – тот безразлично посторонился. В коридоре молодая женщина перекрестилась и попыталась подслушать, но дверь закрылась плотно и слышно ничего не было.

– Кто эта девка?

– Моя жена.

– Мерзавец! Блудницын сын! – Иванов не кричал, а говорил тихо, но зловеще. – Я же тебе запретил!

– Прости, батюшка. Виноват.

Глава Посольского приказа приблизился к названному сыну, взял его за грудки и стал трясти.

– Я с тебя шкуру сниму! Запорю насмерть! Пойду к патриарху и потребую развода!

– Можешь, – Матвеев решил начать с последнего пункта. – Но когда наши враги узнают о нестроениях между нами – они очень обрадуются. Скандал повредит не только мне, но и тебе.

Пальцы Алмаза Ивановича слегка ослабили хватку.

– И потом, ты сам говорил, что патриарх самодур, ему неизвестно как моча в голову ударит. Вдруг ты откроешь всем наши несогласия, обрадуешь недругов, а святейший Никон мой брак возьмёт и не расторгнет?

– Может, – неожиданно легко согласился Иванов, отпуская сына. – И вообще я его ни о чём просить не хочу.

Он был опытным политиком и умел держать удар. Воспитанник был прав – Алмаз Иванович признал это с возмущением, но в то же время и с каким-то извращённым удовольствием. Так может чувствовать себя только учитель, которого переиграл любимый ученик. Умён ведь, паршивец. Его бы ум – да на какое доброе дело направить.

Но канцлер не собирался легко сдаваться.

– Плохо нам будет в любом случае, даже если я промолчу. Она ещё и иностранка – ты ведь так матери говорил? Даст волю языку, выболтает наши тайны – вот то-то радость будет нашим врагам.

– Да, – спокойно согласился собеседник, – я тоже сначала этого боялся. Даже думал, не шпионка ли она.

– Экий ты сообразительный! Что ж не остановился вовремя – когда догадался об этом подумать?

– Не остановился, так как нет никаких доказательств. И нет никаких доказательств, что она будет болтать. А вот друг твой, Андрей Тихонович, уже болтает.

– Не клеветчи!

– Зачем мне клеветать? Я совершенно случайно узнал, что приезжал английский купец, Дуглас, торговал у него канаты, а Андрей Тихонович ему взял и вывалил много такого, что мы от русских скрывать пытаемся: кто из бояр за войну, кто против, какие товары царская казна покупает для армии. Ты ему заказы выгодные устраиваешь, а он болтает хуже бабы.

– Не верю. Ты Андрея Тихоновича не любишь, вот и наговариваешь на него.

– Проверь.

«А ну как возьмёт купец и отопрётся? Он мог про этого Дугласа уже и забыть. Тогда будет только моё слово против его слова. Дусе, как свидетелю, веры не будет».

Однако спокойная уверенность пасынка ввергла Иванова в сомнения. Он по собственному опыту знал, сколько могут узнать купцы как бы между делом и как они могут сотрудничать с чиновниками своих государств – и не своих тоже. Он стал думать о Соловом и на время забыл про неожиданную невестку. Впрочем, ненадолго.

Подойдя к молодому человеку вплотную, Алмаз Иванович что есть силы стал хлестать его по щекам: хрясь, хрясь, хрясь, так что голова моталась из стороны в сторону. Тот терпел, принося эту жертву на алтарь любви. Потешив таким образом уязвленное родительское самолюбие, Алмаз Иванович сказал:

– Садись. Будем о деле говорить.

И сел сам.

Глава 31

Евдокия пряталась в тёмной гостиной. Время тянулось медленно и томительно. Наконец в коридоре мелькнул свет свечи и послышались голоса.

– Останься с нами поужинать.

– Нет. Домой поеду.

Когда Иванов ушёл, Евдокия выскользнула из гостиной навстречу мужу.

– Ужин ещё не остыл?

– Может, и остыл. Велю разогреть.

– Давай. И приходи в столовую.

Молодая женщина схватила плечи любимого:

– Он сильно на тебя ругался?

– Умеренно.

Она осторожно прикоснулась губами к его щеке. Молодой супруг поморщился. Было противно и больно, но в душе он считал, что легко отделался: отцовского гнева было не миновать, но пусть он прольётся здесь и за закрытыми дверями, а не во дворце, где закрывай или не закрывай двери – все про всех всё знают.

Сидя в столовой в ожидании ужина, Артамон сказал ей:

– И знаешь, зачем он приезжал на ночь глядя?

– Нет.

– Посланцы царя во главе с боярином Бутурлиным едут в Переяслав принимать присягу казаков. Царь поручил охрану посольства моему полку, а меня сделал начальником охраны. Алмаз Иванович решил по этому случаю немедленно дать мне пару ценных советов – относительно того, что я и сам прекрасно умею делать.

– И из-за этого ты стал жертвой скандала. Это отчасти моя вина. Я должна была согласиться на отсрочку свадьбы.

– Нет, – ответил её супруг неожиданно резко, – ты поступила правильно. Если бы я стал родителей уговаривать, просить – было бы много неприятных объяснений и мало проку. Лучше уж так.

Евдокия была очень рада, что муж пришёл к такому выводу. Уважать родителей надо, но взрослый мужчина с бородой может уже и свою волю иногда проявить.

Глава 32

Благодарность и чувство вины усилили нежность Евдокии к мужу, и он благоденствовал и потягивался, как сытый кот – может, даже и облизывался, когда его никто не видел.

Жизнь дома шла своим чередом. Проверяя счета, молодая женщина обратила внимание на то, что овёс для лошадей стоит, как хорошая пшеница. Несложное расследование показало, что Домна Трофимовна доверяет покупке сена, овса и всего прочего, что надо для лошадей, конюхам, а конюхи нагло её обманывают. Пришлось сообщить это мужу.

Матвеев понял всё уже тогда, когда прозвучали первые цифры.

– Таких цен нет. Я знаю, так как мы покупаем корм и прочее для полковых лошадей.

– Откуда у вас полковые лошади? Стрельцы, если не ошибаюсь, пехота?

– А припасы, оружие, солдатские и офицерские вещи – всё это на своём горбу им надо носить или оно само ходит? Где грузы – там телеги, где телеги – там лошади.

– А обоз разве у каждого полка свой? Я думала, он один для всей армии.

Муж усмехнулся:

– Теперь я точно вижу, что ты не шпионка. Не разбираешь в военных делах.

– Чем смеяться, лучше бы объяснил. А не хочешь объяснять – ладно, но что мне с конюхами делать?

– А что ты раньше с вороватыми слугами делала?

– После первого раза мужчин сек свёкор или муж, женщин ругала свекровь или я, иногда ставили на горюх. После второго – увольняли.

– Как у вас снисходительно. У нас – порка, если не помогает – отправляю в деревню и беру новых холопов.

«В этом доме служат холопы, а не наемные слуги, – поняла Евдокия, – кроме моей Дарьи, наверное».

– Вообще позор, – добавил он без особого волнения, – у себя под носом мошенничества не вижу. Полковые счета проверяю, а свои – нет. Займешься этим, радость моя?

– Уже занялась.

– Спасибо. У меня нет ни времени, ни сил заниматься хозяйством как следует.

Выпороть конюхов время и силы нашлись. Здоровые парни орала, как резаные. Притворяются или у её мужа такая тяжелая рука? Неприятно, конечно: теперь они её будут ненавидеть. А как иначе: закрывать глаза на воровство? Она только входит в роль хозяйки и сначала должна быть строгой, а потом уже можно будет и ослабить вожжи.

Чуть позже она позвала к себе Дашу.

– Как тебе здесь?

– Жить можно. Конечно, к прежнему дому уже как к родному привыкла. Скучаю по Кларе, её сыну и даже по Глаше с Тимофеем, хотя они и недавно у нас... у нас там.

– Можешь их навещать, только спроси заранее, могу ли я тебя отпустить. Как к тебе относятся остальные здешние слуги? Если обижают, дерзят или делают тайком пакости – скажи сейчас. Такие вещи надо пресекать сразу.

– Не обижают и пакостей не делают. Относятся с недоверием – это да. К тебе, госпожа, тоже относятся с недоверием.

– Охотно верю.

– Только Лиза смотрит открыто, отвечает честно и со мной уважительна.

Даша немного ошибалась: Лиза относилась к ней не уважительно, а восхищённо. Новая товарка казалась девушке необыкновенно смелой и знающей едва ли не всё на свете.

Евдокия улыбнулась:

– Она, кажется, неплохая девушка, но немного странная. Смотрит на меня так, словно боится и в то же время благодарна.

Дарья с изумлением уставилась на хозяйку:

– Госпожа, как ты правильно сказала! Именно так: благодарна, но боится.

– А почему?

Дарья заколебалась. Она не любила нового хозяина. Девушка строгих правил была огорчена моральным падением госпожи, но если любимую хозяйку прощала, то совсем не склонна была прощать того, кто склонил добродетельную женщину на грех; история Лизы усилила эту неприязнь, но жалко было огорчать Евдокию Григорьевну.

– А ты не будешь её наказывать? – осторожно спросила горничная. – Я случайно подслушала, а потом она пару раз проговаривалась. Прямо мне говорить боится, чтобы ты не узнала.

Тут Евдокия заколебалась тоже. Она не хотела терять доверие Даши, но в то же время опасалась узнать нечто такое, за что надо будет наказать обязательно. Слова «тогда лучше не говори» готовы были сойти с её уст, но с уст Даши слова сошли раньше:

– Хозяин и его прежняя жена в последний год не спали вместе и даже не разговаривали. И хозяин повадился таскать Лизу к себе в опочивальню. Она не радовалась, но терпела. А с начала весны он её оставил в покое. Она ещё тогда подумала, что у хозяина зазноба, и молилась, чтобы он от этой зазнобы не отстал, а про неё забыл. И ты, госпожа, ей сразу понравилась, но она боится, что ты узнаешь и будешь её ненавидеть.

Румянец окрасил щеки Евдокии. Лучше бы она этого не знала.

– Понятно. Я её не виню. Не будем об этом больше. А если кто-то тебе будет делать зло – жалуйся мне.

– Все мужчины одинаковы, – мстительно сказала Дарья. – Что Богдан Матвеевич, вилы ему в бок, что твой муж. Разве что мой прежний хозяин всех подряд девиц портил, а Артамон Сергеевич ограничился одной.

И удалилась.

Евдокия действительно не винила Лизу: холопка, «крещёная собственность», что с неё взять. Но мужа она считала благородным человеком и такого от него не ожидала: заставлять девушку, которая от него зависит – это не слишком красиво.

Одно утешение: оставил Лизу в начале весны, задолго до начала их связи. Не прямо перешёл из постели этой несчастной девочки в её постель, а хоть перерыв сделал. А ездил бы к ней и одновременно спал с Лизой – совсем противно было бы.

Глава семьи в этот день не приехал к ужину, и Евдокия была втайне этому рада. Она уже засыпала, когда в её спальне открылась дверь и знакомый голос спросил:

– Дуся, ты спишь?

Она промолчала. Муж тихо разделся, осторожно лёг рядом с ней, обнял, зарылся лицом в её волосы. Она старательно притворялась спящей: пусть пройдёт хотя бы несколько дней, чтобы она могла смириться с недавним известием. Но Артамон не унимался, жадно ласкал её, и в какой-то момент тихо попросил:

– Проснись, пожалуйста.

Если бы он требовал, грубо наваливался – не миновать бы им крупной ссоры, но мягкая просьба заставила её уступить.

Она думала, что придётся терпеть, но наслаждение пришло даже в этот раз.

На следующий день она немного побеседовала с Лизой: не обижают ли её другие слуги, откуда она родом. Девушка, сначала явно испуганная, постепенно успокоилась и вежливо отвечала на её вопросы. Оказалось, что она была куплена купцом Соловым в Звенигороде и подарена им дочери. Тут Лиза замялась:

– Ты велела про неё не говорить.

– Ладно, раз уж к слову пришлось. Так Февронья Андреевна – дочь Андрея Солового? Надо же – я один раз его видела. Ладно, бог с ними обоими. У тебя есть жених?

Лиза снова испугалась.

– Нет.

Лжёт, подумала хозяйка. Но выспрашивать не стала и отпустила.

Так вот почему он интересовался встречей Солового с Дугласом.

Неприятный разговор навёл её на грустные мысли. Если Артамона и его первую жену поженили «как принято» – в ранней молодости и не трудясь знакомить друг с другом, а он в первую ночь набросился на испуганную девочку так, как иногда набрасывался на неё – неудивительно, что эта Февронья от него ушла. Взрослая опытная женщина – это одно, а невинная девушка – совсем другое. Хотя она, возможно, всё это придумывает, а правда совсем другая. Только двое могут это знать.

И невольно молодая женщина вспомнила первого мужа и брачную ночь с ним: Антон был невероятно деликатен, он успокоил её, когда она испугалась, и дал время прийти в себя. Милый, добрый человек, который так рано умер.

Не надо думать об этом.

Прошлое прошло.

– Что с тобой? – спросил её нынешний муж. – Какая-то вялая стала. Ты не больна?

– Нет. Всё хорошо.

– Тогда почему моя кошка перестала царапаться?

Она в ответ потёрлась щекой о милое, теплое, сладостное плечо.

Куда она от него денется.

Глава 33

– Артамон Сергеевич, – сказал боярин Бутурлин, – у меня к тебе дело, как к начальнику нашей охраны. Лопухин Илларион Дмитриевич хочет взять с собой жену и дочь. Как ты считаешь, это можно сделать?

– Жену и дочь? Отчего бы и нет. Две женщины нам не в тягость будут.

– А защитить ты их сможешь?

– Если от обычных разбойников – да. Думаю, правда, что на такой большой поезд²² обычные разбойники и сами нападать побоятся. Если же налетит вся литовская рать, то тут нас всех будет трудно защитить.

Василий Васильевич улыбнулся:

– Это как раз понятно. Я о другом: там полно мужчин, и вдруг женщина и девушка... хотя, она может уже вековуха старая или младенец, я с дочерью Иллариона Дмитриевича не знаком. Удержатся наши стрельцы?

– Во-первых, у нас не разбойничья шайка, а регулярный полк. Не было ещё случая, чтобы мои подчинённые напали на порядочную женщину, жену или дочь почтенного дьяка. Во-вторых, не так долго им придётся удерживаться: поедем мы месяца на два, и не по пустыне, а по населённой местности, с городами и сёлами – если кому невтерпёж, пусть там гулящую бабу ищет.

– Ну, ладно, если так. Обьесть они нас не объедят, да и Лопухин говорит, что они с собой съестное возьмут. А вот в этом смысле я беспокоился.

На всякий случай Матвеев посетил Лопухина. Они познакомились, мило побеседовали, Илларион Дмитриевич даже супругу позвал. Елена Никифоровна ездила с ним не один раз, успела узнать все возможные трудности и как с ними бороться. Ехать они с дочкой будут в закрытом возке, чтобы никого не смущать и самим не смущаться, держать себя будут строго, внимания к себе будут привлекать мало. Супруги Лопухины понравились Матвееву, и у него явилась некая идея, которая у дьяка и его жены вызвала радостное оживление, а у Бутурлина – ужас.

– Если каждый с собой свою бабу потащит, наш поезд станет в два раза длиннее. Тогда уж точно никакой еды не хватит.

– Каждый не потащит. Слишком много на свете мужчин, которые от своих баб наоборот, сбежать рады.

Бутурлин усмехнулся и согласился. Матвеев, как опытный придворный, не стал спрашивать, потащит ли он с собой боярыню Бутурлину. Захочет – сам скажет, а не захочет – не надо лезть в чужую семью.

– Дуся, хочешь поехать со мной на Украину?

Она сначала не поверила, а потом – бросилась на шею.

---

²² В данном случае: совокупность повозок и всадников, караван.

Глава 34

Посольство выехало в октябре, по раскисшей от дождей дороге. В день отъезда пасмурная погода вдруг сменилась не жарким, но приветливым осенним солнышком – и отъезжающие, и провожающие восприняли это как добрый знак. В удобных повозках, которые можно было при возможности пересадить на санные полозья, следовали боярин Бутурлин, дьяк Лопухин, окольный Алферьев и вся их свита, состоявшая из пятидесяти духовных и светских лиц; за ними везли съестные припасы, включая дорогие вина и мёды, меха и подарки, предназначенные для даров, дорогие одежды и утварь для представителей государя, оружие и всё, что могло понадобиться в поездке и во время пребывания на Украине. Посольство ехало на праздник воссоединения русских земель, на встречу с союзниками против общего врага, оно должно было показать величие и богатство русского царя и его щедрость к новым подданным; ни денег, ни мехов, ни изысканной еды и напитков для столь благих целей не жалели. Вели сменных коней. Двести стрельцов полка Артамона Матвеева, поочерёдно сменяя друг друга, несли охрану посольства. То и дело посольство догоняли верховые с письмами и инструкциями от царя.

В хвосте этого пышного поезда следовали два скромных закрытых возка, в которых скрывались от посторонних взглядов немолодая, но ещё красивая Елена Лопухина, её хорошенькая двенадцатилетняя дочь Анна, Евдокия Григорьевна и служанки: Ираида и Дарья.

До сих пор Евдокия Григорьевна покидала Москву только ради поездок да фабрику да ещё один раз была в поместье, данном за службу её дяде – давно, ещё при жизни отца, и теперь она жадно разглядывала всё встречное: леса и деревни, реки и холмы. Елена Никифоровна же сопровождала мужа в Нижний Новгород и Новгород Великий, в Вологду и даже в крепость Орешек – на переговоры со шведами.

– Ах, как там красиво! Земля такая ровная, взгляду простор, озеро такое огромное, что я и описать не могу, из него вытекает река, и там где вытекает – остров. И на острове стоит дивная крепость: стены высокие, смотреть приятно, и один военный человек Иллариону Дмитриевичу и мне объяснял, как ловко всё построено: и вход так сделан, что просто так врагу не пройти, и протоки есть, по которым можно выйти на лодке изнутри, а внутрь проникнуть нельзя – там решётки, которые только изнутри открываются, и бойницы расположены так, что лучше и не придумаешь. И вот такую крепость потеряли мы, за грехи наши, в годы Смуты.

Дочь и попутчица восхищенно слушали Елену Никифоровну.

– Ездить тяжело, особенно по таким дорогам – иной раз так растрясёт, что сама не понимаешь, жива ты или уже нет. Но зато сколько красот и удивительных вещей можно узнать и увидеть!

Муж был всецело поглощён своими обязанностями начальника охраны, к ней на людях почти не подходил, ужинал со своими стрельцами или с посольскими чинами. Евдокия Григорьевна не обижалась и не отвлекала Артамона Сергеевича от службы; она скорее была бы смущена, если бы он стал демонстрировать свои чувства при посторонних. Примером поведения для неё служила старшая Лопухина, которая ловко умела получать удовольствие от путешествия и не быть никому обузой. Муж её, кстати, держался куда менее чопорно, чем Матвеев: при каждом удобном случае подходил к жене и дочери, ласково беседовал с ними, отвечал на вопросы, помогал своим дамам входить и выходить из повозки. Было очевидно, что Илларион Дмитриевич никогда не учился правилам европейского этикета; его галантность была порождена не заученными приёмами хорошего тона, а сердечной нежностью.

– Постарайся подружиться с ними, – говорил Артамон Сергеевич ночью, когда они наконец оказывались вдвоём. – Илларион Дмитриевич умный и влиятельный человек, мне такой союзник будет кстати.

– Охотно. Они мне искренне нравятся, и если я не только буду беседовать с умной женщиной, но и тебе помогу – буду рада.

Дорога действительно была тяжелой. Колеса с трудом проворачивались в грязи, ехавших в повозках швыряло и подбрасывало, ноги ходоков вязли в жидкой каше; все ждали заморозков, которые сделают дорогу более твёрдой, а там, может быть, и снег ляжет.

В Калуге остановились немного отдохнуть. После службы в церкви супруги прогулялись по городу, купили на базаре орешков и отправились в отведённую им комнату. Как приятно было растянуться на широких лавках после трудной дороги и ночевки где попало и как попало; они угощали друг друга вкусными ядрышками и лениво болтали. Евдокия вспомнила рассказ Елены Никифоровны.

– Что Орешек! Сколько земель потеряла наша страна – не перечить. Пока татары разоряли русские земли, наши соседи с Запада, словно хищники, отрывали куски от ослабевшей страны. Больше всех старались литвины: Рогнедин город – Полоцк, Витебск и Могилёв, Львов, разорённый ордынцами Киев – всё прибирали к рукам. Даже Новгород и Псков едва не ушли от нас к Казимиру, но великий князь, собиратель земель русских, с божьей помощью не дал. Но многое из того, что сделали Иван Васильевич²³ и наследники его, было утрачено в годы Смуты. И моя величайшая мечта – увидеть, как великий государь вновь собирает утерянное под свою руку.

Артамон Сергеевич приподнялся на локте и говорил спокойно, но чуть быстрее, чем обычно; внимательная супруга поняла, что он взволнован.

– Именно этого боятся больше всего наши враги. Ты заметила, что иностранцы, и литвины с ляхами в первую очередь, не называют нашу страну «Россией» или «Русью», а только «Московией»?

– Заметила. Мне всегда это казалось странным: конечно, Москва столица России, но ведь кроме Москвы есть ещё множество городов и земель.

– А почему, как ты думаешь?

– По невежеству. Знают Москву, а другие города – нет. Хотя это удивительно: в Москву можно попасть либо через Архангельск и Вологду, либо через Новгород. Можно проехать через город и его не осмотреть, но проехать и не узнать о его существовании – нельзя.

– А я думаю, что не невежество тут, а злой умысел. Россия была с незапамятных лет, а вот столицы у неё были разные: Новгород, Киев, Владимир, Суздаль – а вот теперь Москва. Но литвины не хотят это признать – они делают вид, что мы не наследники великой Руси, а так – какая-то непонятная Московия, сбоку припёка. Это как если бы у тебя похитили вещи твоего деда, а когда ты бы за ними пришла – стали убеждать, что ты своему деду не внучка, а так – девочка с улицы, и на вещи эти претендовать не можешь.

Евдокия была поражена.

– Может, всё-таки дело в невежестве? Ведь и Речь Посполитую часто называют «Польшей», хотя Польша – только её часть, и Британию зовут «Англией» – хотя это так же только часть страны.

– Так говорят в просторечии, а у дипломатов короля или императора называют так, как положено; титул же нашего великого государя они специально умаляют. Иногда литвины даже прямо говорят: не можем мы назвать Алексея Михайловича царём всея Руси, так как у нашего круля в подданстве есть русские. Я сын и пасынок дипломатов и с детства служу при дворе – я это знаю.

– Я – женщина, и причём далекая от дипломатии и двора. Но думаю, что если бы короля Британии, – тут она вспомнила, что в Британии нет короля, а есть лорд-протектор Кромвель, –

---

²³ В данном случае имеется в виду Иван III.

ну, когда он был, стали называть бы герцогом Лондонским – то Его величество был весьма оскорблён.

– Само собой. И круль был бы оскорблён, назови его кто-нибудь «князем Варшавским». А нас можно грабить и потом издеваться, лишая даже права наследства на земли наших предков.

Евдокия вздохнула.

– Я не рассказывала тебе про королеву Марию Стюарт? Может, ты сам слышал? Нет? Эта дама, королева шотландская, объявила себя ещё и английской королевой, но не сделала ничего, чтобы английской короной завладеть. Матушка моя говорила, что это был самый глупый поступок из всех возможных: надо было либо отказаться от претензий и признать королевой Елизавету – ту, с которой переписывался Иван Грозный, либо всерьёз начать войну за трон Англии – тогда ещё Англии, а не Британии. Может быть, и великому государю лучше не о титуле думать, а о том, как вернуть себе реальную власть над землями предков? Или уж отказаться от них.

– А зачем, по-твоему, ездили на Украину слуги царя, включая меня, как не для того, чтобы вернуть хотя бы часть русских земель? И зачем едет сейчас наше посольство – горилку пить? Именно затем, что бы сделать эти мечты явью.

Матвеев осенил себя крестом, жена последовала его примеру.

– Скажи, а ты сама, в душе своей, за кого: за нас или за поляков?

– Я не русская по крови, но родилась и выросла в России. А в Польше... в Речи Посполитой никогда даже не была. Что она мне? Разумеется, в случае войны мои симпатии были бы на стороне России. Так я ответила бы и год, и два назад. А если тебя смущает моя прежняя вера, то позволь заметить, что мой дядя, тогда ещё католик, сражался под знамёнами князя Пожарского против короля Владислава. И он не один такой.

– А гетман Сагайдачный, православный человек, шел со своими казаками против нас под знамёнами Владислава. Потом, правда, каялся.

– Наверное, про это я не знаю. Но зато знаю, что теперь к первой причине у меня прибавилась вторая: я твоя жена. И даже если считать, что я вышла замуж за варвара – предпочитаю видеть этого варвара победителем, а не побеждённым.

Артамену Сергеевичу так понравилась последняя фраза, что он поделился ею с Кириллом. Тот одобрил жену друга и сказал, что и сам предпочёл бы быть победителем.

– Ну, это любой бы предпочёл!

– А, кто его знает. Ты не замечал, что у нас часто любят не победителей и не разумных людей, а всяких дурачков, юродивых, христарадников?

– Замечал. Только я эти вкусы не разделяю.

Меж тем стало немного холоднее; дорога отвердела, и ускорило движение посольства. 1 ноября прибыли в Путивль, где остановились отдохнуть, помолиться и помыться в баньках. Воевода Степан Гаврилович Пушкин – брат боярина Григория Гавриловича и внук Василисы Мелентьевой – любезно приветствовал боярина Бутурлина и его свиту. Евдокия Григорьевна с любопытством смотрела из-за занавеси на представительного мужчину и за ужином рассказала романтическую историю о его бабушке и матери. Старшая Лопухина подтвердила её рассказ, а маленькая Аня пришла в восторг.

– А она правда была очень красивая?

– Деточка, откуда ж мне знать? Я её не видела.

За рекой Сейм уже начиналась Украина.

Глава 35

Посольство ехало медленно; во всех местечках и городках его встречали торжественными церемониями и молебнами. Боярин Бутурлин приветствовал встречающих от имени царя, долго и серьёзно беседовал с местными жителями, отстаивал службы в церквях, выказывая усердие в вере. После одной из стоянок он коротко сказал Матвееву:

– Ты, Унковский и другие не зря ездили на Украину. Местные обстоятельства и настроения вы описали верно.

Матвеев молча поклонился. Нельзя вести правильную политику, не получая верных сведений о делах; оценка Бутурлина показывала, что он хорошо выполнил свою работу.

Спутники боярина с интересом разглядывали незнакомые места и незнакомый народ, оживлённо обсуждая между собой впечатления и сравнивая увиденное с привычным. Здесь было теплее; дома, одежда и утварь местных жителей были новы и непривычны; население казалось сытым и довольно зажиточным, люди были в среднем более крупными и рослыми, чем русские, но множество вдов и сирот являли собой страшный след длящейся уже пятый год войны. Елена Никифоровна обратила внимание, что почти все женщины и девочки грамотны – это выгодно отличало Украину и от России, и от большинства стран Европы, где женское образование считалось ненужной и более того – вредной блажью. Ане ужасно нравилось пение в церквях:

– Теперь я понимаю, почему государь так хвалит малороссийских певчих!

В небогатых домах иногда появлялись вдруг на столе золотые и серебряные чаши, тарелки, вилки – тоже след войны. Дорогие вещи, принадлежавшие панам и оплаченные потом и кровью их православных подданных, покинули панские усадьбы и оказались в руках тех, за чей счёт они были куплены. Как-то остановились в разорённом польском имении: его хозяин, сажавший своих крестьян на колья, изнурявший их непосильной работой, растлевавший их девочек, однажды ответил за всё и сразу, повиснув на старой осине. Странные мысли появлялись в голове Евдокии: а что, если и русские холопы однажды захотят рассчитаться с хозяевами за всё и сразу? Может, прав был Дуглас и не надо было русскому царю поддерживать бунт против царя иностранного?²⁴ Она гнала эти мысли от себя, но вдруг услышала, как Дарья говорит своей собеседнице-хохлушке:

– Вот бы и некоторым нашим барам на это посмотреть!

– А у вас тоже такие есть?

– Развратники есть везде.

Хохлушка как раз рассказывала про распутство покойного пана.

Евдокия не посмела отругать служанку, но окликнула её и попросила «не отставать». Имение было спланировано так затейливо, что строения как бы взбирались вверх по холму; женщины как раз поднимались вверх, заглядывая в двери и поминутно оглядываясь назад, на изменяющийся при подъёме вид на округу. Анна, маленькая и восторженная, всюду восклицала:

– Как красиво!

На самом вершине располагались лучшие помещения: покои хозяев, бальная зала, домашняя церковь; с крыльца открывался самый красивый вид. В покоях гулял ветер, в углах скопился сор, стены украшала дивных размеров паутина. Евдокия вошла в маленькую домашнюю церковь и подивилась своей судьбе: в первый раз она входит в католический храм, и входит тогда, когда сама она сменила веру, а храм – разорён.

---

²⁴ Справедливости ради надо заметить, что положение крепостных в Речи Посполитой в то время было много хуже, чем в России, а «панщина» – тяжелее «барщины».

– Что это? – спросила Анна.

– Статуя Девы Марии, – объяснила Евдокия Григорьевна. – У католиков принято украшать храм не только иконами, но также и статуями Богородицы, Христа и святых.

Она невольно вспомнила пылкий монолог матушки Флоры.

– А почему? – спросила Ираида.

– Не знаю.

– А вот и иконы! – вдруг воскликнула Анна. – Но очень странные.

И показала пальчиком на стены.

Евдокия поразились: на стенах висели портреты, не иконы, а портреты живых людей.

– Портреты? А, понятно, парсуны. А что они здесь делают?

– Не знаю. По-моему, это просто кощунство: вешать в храме портреты обычных людей.

Пока они лазали по именью, хохлушка успела сбегать домой и принести кружева – явно извлеченные из закров усадьбы. Поторговавшись немного, путешественницы купили эти кружева, выслушали бурные и, бог весть, искренние ли комплименты хохлушки и пошли к себе. Тяжелое, смутное настроение владело молодой женщиной.

– Торговались? – весело спросил её муж, увидев покупки дам.

– Немного.

– Надо было много. Украинцы любят торговаться. И если вы будете торговаться – и удовольствие им доставите, и цену собьёте в несколько раз. В следующий раз возьмите меня с собой.

Глава 36

Рада проходила в Переяславе. За пять верст до этого города Бутурлина со товарищи встретила очередная делегация с трубами и литаврами, возглавляемая полковником Тетерей. Самого гетмана Хмельницкого в городе ещё не было: недавно он снова во главе войска сражался с польской армией, снова был предан своим корыстным союзником – крымским ханом; он ещё только собирался переправляться через Днепр. Он прибыл позже.

Гетман оказался низеньким, усатым, немолодым человеком, но было в нём что-то значительное, что-то такое, что заставило Евдокию Григорьевну поверить: та, «прекрасная Елена», разорванная в клочья бесцеремонными мужчинами, могла его любить. Чуть позже восторженный путешественник, Павел Алеппский, напишет, что каждый из полковников Хмельницкого был более значителен, чем господарь Василий Лупу, и будет прав: и сам гетман, и его соратники были куда значительнее многих принцев и коронованных особ своего времени, ибо своё положение не получили по праву рождения, а добыли своей храбростью и своей хитростью. Может, даже более хитростью: без хитрости и ловкости, без осторожной и умной дипломатической игры не смогли бы они удержать результаты, добытые своей храбростью. И даже польские историки и писатели вынуждены, скрипя зубами и скрепя сердце, признавать таланты своих противников²⁵.

«Путру 8 января сначала происходила у гетмана тайная рада из полковников и всей войсковой наличной старшины, которая тут подтвердила свое согласие на московское подданство. Затем долгое время на городской площади били в барабан, пока во множестве собрались казаки и прочие жители Переяслава на всенародную раду. Раздвинули толпу, устроили просторный круг для войска и старшины. Посреди круга стоял гетман под бунчуком, а около него судьи, есаулы, писарь и полковники. Войсковой есаул велел всем молчать. Когда водворилась тишина, гетман обратился к народу с речью.

«Панове полковники, ясаулы, сотники и все войско Запорожское И вси православные христиане! – начал он. – Ведомо вам всем, как нас Бог освободил из рук врагов, гонящих Церковь Божию и озлобляющих все христианство нашего православия восточного, что уже шесть лет живем без государя в нашей земле в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонители и враги нашими, хотящими искоренить Церковь Божию, дабы имя русское не помянулось в земле нашей; что уже вельми нам всем докучило, и видим, что нельзя нам жить более без царя. Для того ныне собрали есми раду явную всему народу, чтоб есте себе с нами обрали государя из четырех которого вы хотите». Затем последовало указание на Турецкого султана, Крымского хана, Польского короля и Московского царя. Первые два басурмане и враги христиан; третий действует заодно с польскими панами, которые жестоко утесняют православный Русский народ. Остается единоверный благочестивый царь восточный, «Кроме его высокие царские руки, – закончил гетман, – благотишайшего пристанища не обращен, а будем кто с нами не согласует, теперь куцы хочет вольная дорога».

²⁵ Например: «Хмельницкий всюду имел своих людей, которые сообщали ему не только о том, что делалось и говорилось при дворе короля, но и о том, что делалось во всех остальных государствах, в Вене, даже в Риме. Убедились в том, чему долго не хотели верить, – что этот человек, разыгрывавший из себя простака, притворявшийся пьяным, слабоумным, только прикрывался холопством, как маской, и был куда хитрее тех, которые имели с ним дело.» Юзеф Игнатий Крашевский, «Божий гнев».

На эту речь весь народ возопил: «Волим под царя восточного, православного!»

Полковник Тетеря, обходя круг, на все стороны спрашивал: «Все ли так соизволяете?»

«Все», – единодушно отозвался народ.»

Разумеется, не всё было гладко. Многие казаки боялись, что «меняют панский сапог на московский», требовали соблюдения «вольностей» польского образца, что было не принято в Русском государстве, Бутурлину было заявлено, что не только войско Запорожское должно присягнуть царю, но и послы от имени государя должны «учинили присягу не нарушать вольностей войска Запорожского».

Бутурлин сумел успокоить недовольных, уверив их в том, что во владениях царя бояре не своевольничают так, как магнаты в Речи Посполитой, напомнил о том, что они сами же просили «принять их под государеву руку», заявил, что православный государь не присягает подданным, но обнадёжил слушателей тем, что никто не покушается на их вольности – словом, уладил все шероховатости и облёк соглашение в формы, приемлемые для всех участников.

Крепко сбитый, солидный боярин стоял посреди заполненной толпой площади, в шубе из красного бархата, подбитой мехом, пуговицами этой шубы служили самоцветы, оправленные в золото – и на глазах у изумлённой публики показывал поразительное дипломатическое мастерство. Евдокия даже рот приоткрыла: так захватило её это действие.

Действо продолжалось ещё долго: послы принимали присягу, вручали гетману присланные царём знамя, булаву, шапку, раздавали меха, молились. Бутурлин говорил Хмельницкому:

– Главе твоей, от Бога высоким умом вразумленной и промысл благоугодный о православия защищении смышляющей, сию шапку пресветлое царское величество в покрытие дарует, да Бог здраву главу твою соблюдая, всяцем разумом ко благу воинства преславного строению вразумляет.

Сочтя, что дело в основном сделано, Василий Васильевич вызвал к себе Матвеева и приказал ему ехать сеунчем²⁶ к царю. После этого Евдокия поняла, почему её мужа, по его собственному выражению, «всё время посылают». Он удивительно быстро собрался сам, выбрал себе двух спутников, заставил их собраться почти так же быстро, дал указания своим подчинённым, остающимся при посольстве, назначил исполняющего обязанности начальника охраны на время своего отсутствия и выехал не завтра и не послезавтра, а в тот же день. Молодая женщина даже испугалась, что Артамон исчезнет, не попрощавшись, но в последний момент муж вспомнил о её существовании и зашёл в комнату.

– Ты не боишься одна оставаться?

– Нет.

– Ну и хорошо. Если что – обращайся к Кириллу Полиектовичу за защитой.

Они поцеловались; Евдокия почувствовала, что мысленно супруг уже в пути.

Ей было не по себе: всего три человека, пусть и вооружённые, с небольшими запасами провизии, должны проделать тот же трудный и долгий путь, который только что проделало посольство.

В дверях встретили Лопухину.

– Не волнуйся, Артамон Сергеевич, за жену: она с нами будет.

Он низко поклонился и поблагодарил.

Она проводила возлюбленного взглядом: стройный, ловкий, он вскочил на коня и устремился вперёд.

²⁶ Гонец, сообщающий сведения особой важности. Термин того времени.

Глава 37

*А по углам бы вышла
Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград...*

А. Н. Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо»

Некоторое время спустя посольство выехало в Киев. Для его глав это было важный этап дипломатической миссии, но простые дьяки, женщины, слуги и служанки, стрельцы и прочие безответственные персонажи пришли в состояние нездорового возбуждения. Киев! Это имя было связано с историей столько далёкой, что она касалась небывшей вовсе, с былинами и сказками, с временами величия Руси, ещё не изуродованной татарским нашествием, с принятием христианства, с легендами о святых и святынях. Даже Евдокия Григорьевна, не русская и недавняя православная, поддалась всеобщему помешательству; с Дарьей творилось нечто неопишное. Когда-то давно, когда были живы родители, любимая старшая сестра ещё не вышла замуж в далёкую деревню, а её саму не принуждали идти на разврат к ненавистному барину, в их доме останавливались паломники, возвращавшиеся из Киева; и от тех времён в памяти Даши осталась какая-то смутная сказка о прекрасном городе в тёплой земле.

– Господи, – крестилась служанка Лопухиных, Ираида, – не думала я, что сподобит он меня увидеть Киев! Не помереть бы, пока не поклонюсь мощам праведников!

– Я больше всего боюсь, что мы разочаруемся, – шепотом признавалась Елена Никифоровна. – Так иногда бывает: намечтаешь себе невесть что, а когда увидишь в жизни – разочаруешься. И ведь не потому, что плохо, а потому, что слишком много придумала.

– А если бы не ожидала от реальности слишком много – она бы даже понравилась, – согласилась с ней Евдокия.

«Мать городов русских» предстала перед путниками в холодный, но солнечный день. Город выглядел полуразрушенным и потрёпанным жизнью; городская стена лежала в развалинах, «Золотые ворота», большие в величественные, зияли дырками и были окружены проломами; пустыри и руины чередовались с обитаемыми жилищами. Но всё же преобладали в нём по-южному светлые дома, окруженные безлистными в ту пору садами; эти дома карабкались вверх по холмам, становясь всё выше и богаче, и на самом высоком месте Киева красовалась Святая София – белая, с золотыми куполами, ослепительно сверкавшими под солнцем. Люди ахали, крестились, некоторые падали на колени. Елена Никифоровна не была разочарована: она даже нашла, что разрушения придают городу нечто страдальческое и трогательное. Даша рыдала от счастья.

Все, кроме часовых, оставленных охранять возы посольства, молились в Софийском соборе. Митрополит Сильвестр Коссов говорил послам:

– В моём лице приветствуют вас Владимир Святой, Андрей Первозванный и Печерские подвижники!

Лишь немногие знали о тёмной стороне священного действа и о том, что высшие церковные чины во время молитв и благословений с трудом скрывали злобу. Иерархи православной церкви страдали от польско-литовских властей куда меньше, чем рядовые верующие; война за православие не находила отклика в их сердцах, зато мешала спокойной жизни и равномерному поступлению доходов; мысль же о том, что, возможно, придётся делиться прибытками с небескорыстным московским духовенством, повергала духовенство киевское в глубокую и нелепую скорбь. Под разными предложениями митрополит Коссов, архимандрит Киево-Печерской лавры Иосиф Тризна и их единомышленники уклонялись от присяги русскому царю, но Василий Васильевич и Илларион Дмитриевич умели не только дорогие шубы носить. Вежливо

и благопристойно, не произнося ни единого плохого слова, высказывая внешнее почтение к духовным пастырям, Бутурлин и Лопухин заставили их сделать всё, что считали нужным.

Из Киева поехали дальше: принимать присягу, утверждать – осторожно и постепенно – власть царя над древней русской землей.

Глава 38

В конце января посольство остановилось в Нежине – в то время большом и шумном торговом городе, ожидая распоряжений царя. Евдокия Григорьевна к тому времени утомилась и пресытилась новыми впечатлениями; она всё чаще думала о Москве, о том, что происходит в её доме, о том, что она только начала всерьёз заниматься делами, а потом внезапно всё бросила и сбежала, о матушке Флоре, о фабрике. Она не ожидала, что поездка окажется такой долгой – почти четыре месяца! За это время всё, что угодно могло случиться – особенно со старой женщиной, которая почти не выходит из дома.

Кирилл сказал ей, что скучает по жене и дочке.

Впервые со времени тягостной сцены в разорённом имении Евдокия решила пооткровенничать со служанкой:

– Даша, хочешь в Москву?

– Пожалуй, да, – ответила Даша. – Но как я тебе благодарна, госпожа! Я теперь и в Москве была, и в Киеве. Сказал бы кто это, когда в деревне жила – не поверила бы.

Молодые женщины гуляли по улицам Нежина. Со знакомыми раскланивались, незнакомые с завистью смотрели на их раздурявшиеся красивые лица и на дорогую, нарядную шубу госпожи Матвеевой.

– В первую очередь надо Артамона Сергеевича благодарить – это он нас позвал.

– Да, госпожа, – согласилась Даша. После таких сказочных впечатлений даже нелюбимый хозяин стал ей симпатичнее, чем прежде.

Вдруг у молодой женщины перехватило дыхание. Тот, о ком она только что вспоминала, пролетел мимо – на коне, с двумя спутниками – не теми, которые сопровождали его при отъезде. Евдокия машинально отметила эту деталь и сама удивилась: зачем ей это?

Не торопясь повела Дашу домой. Если она знает своего мужа – торопиться некуда, у него на первом месте дело, и пока Артамон Сергеевич будет докладывать о делах Бутурлину, они с горничной и без спешки дойдут до дома, где живут сейчас. Еда уже готовится. Если же он голоден до изнеможения и захочет сразу же перехватить кусок – кусок есть.

Елена Никифоровна и Анна играли в шахматы и между делом обсуждали, всем ли друзьям и родственникам купили подарки – получалось, что всем.

– Домой бы, – говорила Елена Никифоровна, – пора и честь знать.

Евдокия благодарно улыбнулась подруге. И услышала, как открывается дверь.

Согласно старым патриархальным традициям жена должна была, встречая мужа, пасть на колени.

Согласно старым патриархальным традициям муж после возвращения должен был отколлотить жену.

Вопреки всем традициям, она крепко обняла шею мужа и не в силах была разжать рук.

Вопреки всем традициям, он прижал жену к себе и не мог отпустить.

Неизвестно, сколько времени прошло прежде, чем молодые люди успокоились и стали разговаривать.

Артамон рассказал, что доехал до Москвы очень быстро – естественно, без обоза – что царь был безмерно счастлив и наградил вестника – то есть его – парчовой одеждой с царского плеча и дорогой шапкой²⁷.

– Теперь число моих завистников возрастет. А самое главное, – он понизил голос и придвинулся к жене, – что не тогда хвалят, когда следует. По-настоящему награждать надо было,

²⁷ В описываемую эпоху не существовало орденов и медалей в современном понимании этого слова. В качестве средства поощрения или награды использовались дорогие подарки: меха, ткани, одежда, чаши и т. д.

когда я в мае-июне сюда ездил и вёл переговоры, и не только меня, но и Унковского, Богданова и всех прочих, кто подготовил это великое дело. А когда оно сделано, доложить – проще простого.

– Всё верно, любовь моя. Но я всё равно за тебя рада. Может, Василий Васильевич потому и отправил тебя, что знал это и хотел, чтобы награду получил один из тех, кто делал черную работу?

– Думаю, да. Он умный человек и ко мне, кажется, благосклонен.

За ужином Лопухин сказал, что Василий Васильевич очень доволен милостивым царским письмом.

– Теперь нам всем приказано ехать в Москву, и как можно быстрее.

По ровному снегу полозья скользили легко; сладкое слово «домой» ускоряло ход и людей, и коней. После раздачи мехов и подарков грузов стало меньше, зато количество женщин увеличилось: один из посольских дьяков успел обвенчаться в Киеве с молоденькой дочкой купчика, а угрюмый стрелец сманил в Москву из Нежина одинокую вдовушку. Она-то и прояснила Евдокии мучивший её вопрос:

– Ляхи в костёлах вешают портреты умерших прихожан.

– Ужас!

– А по-моему, хорошо, – неожиданно высказала еретическую мысль Елена Никифорова. – Можно прийти в церковь и прослезиться, вспомнив усопших рабов божиих.

Сказала она это, впрочем, уже после ухода украинки: Евдокия Григорьевна человек надежный, а эта вдовушка – кто её знает?

– А у нас парсуны редко когда пишут, и умерший уходит навсегда: нельзя даже на портрет его посмотреть и вспомнить. Внуки, если родились после смерти дедов и бабок, не знают даже, как эти деды и бабки выглядели.

Матвеев убедился, что охрана и без его контроля справляется, и с облегчением залез в возок жены: долгая скачка верхом измотала даже его выносливое тело.

– Я дома только один раз успел переночевать, – рассказывал он.

– Как там, дома? Нет ли каких бед, плохих вестей?

– Нет. Всё в порядке.

Значит, можно надеяться, что с матушкой Флорой ничего не случилось – слуги в случае чего побежали бы к ней. А он один ночевал дома или с Лизой? Молодая женщина вздохнула, но постаралась прогнать недобрые мысли.

– А ты молодец. Тяготы пути переносишь терпеливо, службе моей не мешаешь, спутникам нашим понравилась, с Еленой Никифоровной подружилась. А главное – я даже в поездке спал как человек, с женой, а не как бездомный пёс, в одиночку. Теперь всё время буду брать тебя с собой.

Здрате. А как же хозяйство, фабрика, матушка Флора? А что делать: раз она вышла замуж, надо теперь в первую очередь думать об этом человеке, который привалился к её плечу, словно к подушке. Как говорили древние римляне: «куда ты, Кай, туда и я, Кайя».

Москва, засыпанная снегом, с убранными в иней деревьями, казалась сделанной из сахара. Беспорядочный, хаотически застроенный город с его приземистыми деревянными домами вдруг показался родным и милым – даже слёзы на глазах выступили.

Родина.

Глава 39

Главы посольства были приглашены за царский стол; во время приёма Алмаз Иванов от имени государя огласил их награждение: боярину Бутурлину – доходы с Ярославских рыбных слобод, атласную шубу на соболях, золоченый серебряный кубок, четыре сорока соболей и сто пятьдесят рублей придачи к его окладу; окольниковому Алферьеву – шуба, два сорока соболей и семьдесят рублей денежной придачи к окладу; думному дьяку Лопухину – шуба, кубок, два сорока соболей и также прибавка к окладу. Накануне приезда посольства царица Мария Ильинична произвела на свет сына и наследника Алексея; царь получал один подарок судьбы за другим и был уверен в благоволении к нему Всевышнего.

Евдокия Григорьевна порадовалась за Иллариона Дмитриевича, но занята была больше своими делами. Дома всё было спокойно и благопристойно, по крайней мере, на первый взгляд, к матушке Флоре она съездила вскоре после возвращения в Москву и с радостью убедилась: пожилая женщина относительно здорова и даже довольно деятельна. Евдокия долго рассказывала ей о поездке. У бывшей свекрови тоже нашлись для неё новости: она нашла, наконец, покупателя для фабрики.

– Я уже сама подумывала поехать с ним, но если ты приехала – сможешь его проводить? Ты не очень устала от путешествий?

– Ах, матушка, – смеялась молодая женщина, – теперь для меня поездка на фабрику – легкая прогулка.

Она спросила о матери.

– Мрачна и недовольна, – вздохнула Флора. – Когда её спрашивают о тебе – отказывается отвечать.

Евдокия всё же позвала к себе Иоганна и попросила отнести матери подарок – кружева, купленные в разорённой усадьбе – и записку. Иоганн вернулся быстро:

– Даже не посмотрела, что ты ей даришь. И на записку не ответила.

Муж сообщил, что его родители оттаяли и приглашают в гости, на первый день Масленицы.

– Только тебя или нас?

– Меня точно. А ты пойдёшь со мной.

– Если им неприятно моё присутствие – я могу не ходить, – с тайной надеждой сказала она.

– Пойдёшь. Если выгонят – другое дело, а просто не явиться – невежливо.

Он был прав. Молодой женщине осталось только вздохнуть и выпить глоток чая.

В то время в быту русских людей происходили постоянные изменения – не такие резкие, как в петровское время, не такие заметные, но существенные. Менялись нравы, вкусы, одежда, напитки и блюда. Иностранцы отмечали, например, что раньше русские не ели зелень, презрительно называя её «травой» или «сеном», но это «сено» всё чаще оказывалось на тарелках. В период правления Михаила Фёдоровича в России впервые отведали чай; этот напиток стал медленно и постепенно распространяться, оставаясь пока известным лишь меньшинству населения; Евдокия впервые попробовала золотисто-коричневый отвар в доме мужа. В качестве ответа она угостила его горячим шоколадом; позже Дарья научила повара готовить некоторые немецкие блюда.

Глава 40

Пока хозяева пили чай, в девичьей происходило нечто вроде пресс-конференции: Дарья, сидя на середине лавки, с важным видом рассказывала о путешествии. На одном краю лавки сидела Домна Трофимовна, на другом – Лиза; обе они потрясённо взирали на Дашу, а веснушчатая горничная так даже рот открыла. Вокруг них стояли и сидели остальные слуги.

Дарья уже переправилась через Сейм, когда Лиза не выдержала:

– Господи! И не страшно тебе было?

Взор девушки изобразил презрение. Самым страшным моментом в жизни Даши была дорога из имения Хитрово в Москву, когда она шла, натирая до волдырей ноги, с болью от голода в животе, боясь, что её поймут разбойники, изнасилуют и убьют, что её догонят посланные из имения слуги, высекут и отдадут на разврат к хозяину, что её сожрут дикие звери; она страшилась, когда оказывалась на дороге одна, и страшилась ещё больше, когда видела силуэт одинокого путника. После этой дороги поездка в удобном возке, с хозяйкой и под охраной стрельцов никак не могла её напугать. После этой дороги её уже почти ничем нельзя было напугать.

Лиза настолько уверовала в таланты новой подруги, что доверилась ей в важном личном деле – и Дарья не обманула её надежд.

– Тебя так и будут принимать за воровку. Надо обратиться к какой-нибудь барыне.

В тот самый день, когда хозяйка уехала показывать покупателю фабрику, обе девушки отпросились и отправились в Немецкую слободу.

Матвеев в тот день вернулся довольно рано. Он поднялся в спальню жены и прилег на кровать; после свадьбы он почти не ночевал в своей спальне на первом этаже, поднимаясь к Дусе даже тогда, когда супружеских ласк не предполагалось. Из полусна его вывело легкое хихиканье: вернувшиеся Даша и Лиза болтали и пересмеивались в соседней комнате. Увидев хозяина, Лиза сначала испугалась, а затем попросила её выслушать.

– Господин, у тебя молодая красивая жена. Зачем я тебе сейчас нужна?

– В качестве горничной.

– Господин, позволь мне выкупиться на волю.

– А у тебя есть деньги?

– Есть.

– Откуда?

По опыту зная, что хозяин любит докапываться до мелочей, девушка рассказала всё подробно:

– Февронья Андреевна привечала монахов, странников всяких, божьих людей. Ты уехал в очередной раз, а к ней повадился ходить один поп; а потом явилась женщина, видимо, его попадья, и стала кричать, что он не для божественного ходит, а для блуда. Попа этого за бороду драла, а с Февроньи Андреевны сорвала бусы изумрудные и швырнула куда-то; хозяйка стала слуг звать и кричать, чтобы гнали и попа, и попадью, а бусы пропали. Февронья Андреевна меня стала ругать, что я взяла, а я ей перед иконой поклялась: не брала. Я и правда убиралась, а бус не видела. Потом она ушла в монастырь, все свои ценные вещи взяла с собой, как вклад. А потом Евдокия Григорьевна затеяла все убирать и переставлять, я из старого шкафчика вещи вынимала, дернула его – и вдруг бусы на пол падают. Может, они между шкафчиком и стеной застряли, может, зацепились за что – но я тебе клянусь, господин, что так и было.

– Верю. В Монастырском приказе так один важнейший документ потеряли, а потом нашли: он застрял между сундуком и стеной. Только нашли тогда, когда он уже не нужен был.

– Спасибо, господин. Я, как честная девушка, понесла бусы в монастырь, да только Февронья Андреевна велела мне бусы себе оставить.

Лиза задержала дыхание. На самом деле бывшая хозяйка отказалась с ней встретиться. И девушка решила: «раз ей не надо – значит, ничьё».

– Я пыталась их продать. В одной лавке на меня накричали и сказали, что я воровка, едва убежала. В другой предложили полтинник – я понимаю, что это не деньги. А эта Даша – она такая умная, она меня отвела в Немецкую слободу, и попросила одну барыню оценить бусы, а если сможет – продать: барыне поверят, что не ворованное. Барыня сказала, что бусы дорогие, но раз порваны – полной цены никто не даст. Она позвала мужа, он ей в подарок купил.

– Сколько дал?

– Двадцать пять рублей, – с замиранием сердца ответила Лиза. Никогда ранее она не держала в руках такой суммы.

– И впрямь ловка эта Дарья. А что ты будешь делать на свободе?

– Замуж пойду, – потупилась Лиза. – У меня есть жених, иконописец. Он деньги копил, чтобы меня выкупить, но раз я сама могу – то к лучшему.

Молодой человек некоторое время молчал.

– Ладно. Считаю, я тебе дарю два рубля и отпускаю бесплатно.

Лиза вскрикнула и пала к ногам хозяина. Тот невесело усмехнулся.

– Скажи мне, в качестве благодарности, откровенно: почему ты со мной лежала, как бревно?

«Не ластилась, как Дуся, не благодарила, не целовалась.»

Лиза смущенно округлила глаза:

– Так ведь того... Не люб ты мне.

Она замерла от страха.

В первый раз за время знакомства с Лизой Артамон Сергеевич посмотрел на неё с интересом.

– Тогда зачем вообще ложилась?

– Так если бы я отказалась – ты бы мог меня запереть или в подвале запереть.

– Я тебя когда-нибудь порол или запирал раньше?

– Нет. Но я всё равно боялась.

– Напрасно.

Он поднял девушку и легонько поцеловал её в висок; в первый раз за время их знакомства Лиза приняла это без отвращения.

– Иди.

Обрадованная девушка ушла. Очень вовремя, потому что во дворе уже соскакивала с лошади Евдокия Григорьевна.

Артамон Сергеевич молча смотрел в окно на красавицу жену, такую скромную и чопорную на вид, но он-то её знает. Она скоро будет трепетать в его руках, потому что он не люб веснушчатой холопке, а ей, этой знатной красавице – люб. Пойми их, этих баб.

– Всё, договорились. Когда покупатель расплатится, я избавлюсь от забот о фабрике, а матушка Флора отдаст мне моё приданое. Ай!

– Что это у тебя?

– Панталоны. Я их всегда одеваю, когда верхом ездю...

Ужинать они пошли с опозданием, такие усталые, словно кололи дрова, и такие довольные, словно нашли среди дров золотой слиток.

– А жених твой знает, что ты не девственница? – спросила она у Лизы после оглашения новости.

Девушка помертвела.

– А ты знаешь... Откуда?

– Я много чего знаю. Дело твоё, но тебе надо либо его предупредить до свадьбы, либо притвориться невинной. Если всё обнаружится в брачную ночь – может быть скандал. Ещё совет: деньги все жениху не отдавай – спрячь часть на всякий случай.

Лиза схватилась руками за платье хозяйки и зарыдала, выплакивая свои страхи.

Евдокия вздохнула и погладила её по голове.

Успокоившись, девушка сказала:

– Меня ещё в Звенигороде испортили, а потом ещё и обвинили: мол, сучка не захочет – кобель не вскочит. Митя про это знает, он меня не винит. Мы давно хотели пожениться, но ему жениться на холопке – самому холопом стать. А теперь всё устроилось.

Глава 41

– Ты не спишь? Давай поговорим.

– О чём, друг мой?

– О чём угодно, только не о муштре. Я сегодня весь день проводил учения, надоело. И устал, и заснуть не могу.

– Тогда давай поговорим о твоей матушке, – попросила Евдокия. Она побаивалась предстоящей встречи и хотела подготовиться. – Как её зовут, сколько ей лет, что она любит и что не любит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.